

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXIX
БОРИС ИВАНОВИЧ ПАНКРАТОВ
МОНГОЛИСТИКА. СИНОЛОГИЯ. БУДДОЛОГИЯ

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

Ю. Л. Кроль

ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОРИСА ИВАНОВИЧА ПАНКРАТОВА (1892—1979)

Борис Иванович Панкратов был одним из самых крупных советских востоковедов 30—70-х гг. нашего века, занимавшихся изучением Дальнего Востока. Он выделялся среди своих коллег одаренностью и знаниями особого типа, необычной судьбой и редкой у нас в те годы международной известностью.

Как мне кажется, наиболее точную характеристику его одаренности и знаний дал глава советской синологической школы академик В. М. Алексеев. В отзыве от 22.X.1948 г. о научно-исследовательской и преподавательской деятельности Б. И. Панкратова он писал: «По типу своих знаний и стремлений Б. И. Панкратов принадлежит к числу китаистов-полиглотов (он знает монгольский, маньчжурский и тибетский языки) старой школы (владивостокская ветвь старопетербургской школы), с тою, однако, существенную разницею, что в то время, как у нас, еще гораздо более ранних представителей петербургской старой школы полиглотов (до 1900 г.) полиглотические ветви знания (монгольский, маньчжурский, японский) постепенно замирали и атрофировались за счет всепоглощающих работ над китайским языком и связанными с ним, основанными на нем специальностями, в Б. И. Панкратове все части полиглотического целого непрерывно жили полною жизнью, ибо поддерживались его непрерывною деятельностью, исследовательскою и преподавательскою во всех таких статьях, особенно в монголистике и тибетонистике». Далее В. М. Алексеев говорит про «долголетнее и очень деятельное, отмеченное как нужное и успешное пребывание [Б. И. Панкратова] на советской службе в Китае... выдвинувшее его, как китаиста-практика и теоретика и преподавателя китайского и других языков, на весьма заметное место среди советских китаистов»; про «комплекс его знаний, которому каждый из нас, имеющих ученые степени китаистов, может только позавидовать»; про «его нужную всем нам лекционно-ерескую, глубоко интересную и полезную деятельность» [см. ПФА¹, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 40—40 об., 44—45].

Эти слова рисуют человека необычайной широты научных знаний и интересов и потому исследовательских возможностей. Действительно, Б. И. Панкратов был ученым, который знал около трех десятков восточных и западных древних и современных языков²; который один представлял собой целый университет культур

¹ Сокращение ПФА принято в этом издании в ссылках на материалы Петербургского филиала Архива Российской Академии наук, сокращение АВ — в ссылках на материалы Архива востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук. Фонд 145 этого архива (фонд Б. И. Панкратова) был обработан и описан сотрудником Архива востоковедов Константином Викторовичем Дубковым. Я широко пользовался его описанием и помощью всего коллектива сотрудников Архива востоковедов, за что приношу им глубокую благодарность.

² Вот один из списков известных ему языков: из языков сино-тибето-бирманской группы он знал китайский (письменный, говорил на пекинском диалекте, был знаком с диалектами пров. Хубэй, Хунань, Сычуань, Ганьсу), тибетский (письменный, говорил на диалекте Лхасы, был знаком с северными диалектами), бирманский, был знаком с сиамским, аннамским; из малайско-полинезийских языков был знаком с малайским; из языков алтай-

Дальнего Востока и Центральной Азии, располагал уникальным комплексом знаний об этих культурах; который в силу своей необыкновенной эрудиции, «ресурсов полиглота» оказался подготовлен к решению особо сложных задач, возникающих на стыке изучения нескольких языков и культур.

В круг его научных интересов входили: 1) взаимосвязи между Китаем, Монголией, Тибетом и Индией; 2) история их духовной и материальной культур; 3) история монголов, чжурчженей, киданей и других народностей, населявших в древности и в средние века Маньчжурию, Приамурье и Приморский край; 4) китайская и монгольская филология; 5) сравнительное языкознание сино-тибетской, тибето-бирманской и алтайской семей языков; 6) конфуцианская, даосская и буддийская философия и история религий Востока; 7) история и археология Китая и Монголии, история Тибета; 8) китайский и монгольский фольклор; 9) буддийская иконография; 10) китайская нумизматика; 11) этнография Китая, Монголии и Тибета; 12) история китайской, монгольской и тибетской письменности; 13) китайская медицина и фармакология [см. там же, л. 101].

Такие научные фигуры, как Б. И. Панкратов, редкость в мире. В нашей китаеведной науке такой ученый был только один.

Комплекс знаний, которым он обладал, могло дать лишь соединение кабинетных штудий с практическим изучением быта и культур народов Востока. Борис Иванович по натуре был склонен не только к кабинетной, но и к полевой исследовательской работе, много путешествовал по Китаю и Монголии и собрал богатые коллекции материалов для науки и такую же библиотеку. Более 25 лет провел он среди жителей Дальнего Востока, глубоко проник в их жизнь, стал одним из них. И рассказ о нем прилично начать так, как начинается традиционная дальневосточная (китайская) биография — с сообщения его имени и прозвища, места, откуда он родом, и эпизода, который еще в юности предвещал его необычное будущее.

Борис Иванович Панкратов имел китайское имя Пань Кэфу (1), прозвище Уцюань (2), монгольское и тибетское имя Лобсан Чултим. Родился он в Костроме 29 февраля (ст. ст.) 1892 г. Общее место, что в становлении личности важны семья и воспоминания детства. О детстве Б. И. Панкратова известно очень мало, и думается, это знаменательно: он был человеком, который сам себя сделал. Он не был выходцем из потомственной дворянской интеллигенции или духовенства, а родился в семье ярославского крестьянина Ивана Макаровича Панкратова, подавшей (вероятно, после освобождения 1861 г.?) в Кострому. Здесь Иван Макарович служил приказчиком в магазине готового платья. Мать Бориса Ивановича Зинаида Геннадиевна, как и муж, принадлежала к крестьянскому сословию. Семья была большая (у Бориса Ивановича было несколько, может быть пять или шесть, братьев и сестер) и, как он пишет, бедная [см. там же, л. 2]. Тем не менее у нее хватило средств дать сыну (после приходской школы) образование в Костромском Реальном училище, которое Борис Иванович закончил в 1911 г.; параллельно он кончил техническую школу, где получил подготовку химика. Еще в школьные годы он впервые заинтересовался Востоком; когда ему было лет 14—16, он подружился с сыном муллы из Татарской слободы; друг учил его началам татарского и арабского языков и ознакомил с Кораном, а отец-мулла «поправлял». Под влиянием этой дружбы, а затем книг Н. М. Пржевальского и особенно д-ра

лекте Лхасы, был знаком с северными диалектами), бирманский, был знаком с сиамским, аннамским; из малайско-полинезийских языков был знаком с малайским; из языков алтайской группы знал монгольский (письменный), говорил на чахарском диалекте, знал дагурский язык, был знаком с бурятским и ойратским; из тунгусо-маньчжурских языков знал маньчжурский, нанайский, солонский и эвенкинский; из тюркских языков знал татарский, казахский и древнеуйгурский; из европейских языков знал английский, французский, немецкий, был знаком с итальянским, испанским, польским и чешским, латинским и греческим; кроме того, занимался юагирским, шумерийским, языком айну, финским, эстонским, румынским, болгарским [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 99—101]. Он также в определенной степени знал санскрит, джарун, корейский, турецкий, арабский.

Уважаемый читатель!

Издательство приносит свои извинения за досадный технический сбой на страницах 5—6, в результате которого со страницы 6 исчезли три последние строки, текст которых мы приводим ниже:

Б. И. Пясецкого об их путешествиях у юноши пробудился глубокий интерес к Востоку — интерес, который заставил его осенью 1911 г. пересечь Россию и поступить на китайско-монгольское отделение Восточного института во Владивостоке

Б. И. ПАНКРАТОВ.
Фотография конца 10-х—начала 20 гг., из семейного архива.
Любезно предоставлена И. Е. Панкратовым, внуком ученого

[ср. 43, с. 10]. Начался первый период в профессиональной жизни Б. И. Панкратова — пора его становления как ученого.

Восточный институт оказался учебным заведением, где были благоприятные условия для развития полиглотического таланта Бориса Ивановича: с первого же года он стал учиться трем (если не четырем) восточным языкам (из которых весной 1912 г. успешно выдержал экзамены по китайскому и тибетскому), а также английскому. Учителями Б. И. Панкратова были профессор Аполлинарий Васильевич Рудаков (1871—1949), Гомбоджаб Цыбикович Цыбиков (1873—1930) и Петр Петрович Шмидт (1869—1938), ученики акад. В. П. Васильева. Именно поэтому В. М. Алексеев говорил о «владивостокской ветви старопетербургской школы» полиглотов как о почве, вскормившей Б. И. Панкратова. Сам вышедший из школы Васильева, В. М. Алексеев указывал, что та «была во многих отношениях правильной, даже замечательной» и что, хотя она «создавала как бы техников по китайской иероглифике, без особого научного озарения», но «способные люди и на этой базе строили многое». В ряду «выдающихся... писателей по Китаю», являющихся ее представителями, В. М. Алексеев называл всех трех учителей Бориса Ивановича, указывая, что владивостокская школа как «разветвление» школы Васильева «сильно развила деятельность практического преподавания», стала «главную практическую опорой и главной практической школой преподавания китайского языка в России», а ее профессора, в том числе П. П. Шмидт, А. В. Рудаков и Г. Ц. Цыбиков, «создали кратковременную, но очень работоспособную школу, которая обслуживала Дальний Восток в период самого сильного развития деятельности России на КВЖД». Недостатком владивостокской школы В. М. Алексеев считал то, что ее «деятели и питомцы... не отходили от своей петербургской магистраты по методам... Однако, не выделив никого, равновеликого общему учителю, школа чаще всего пробавлялась мелочами малозначащих статей и учебников (опять-таки за редкими исключениями) и вела преподавание, рассчитанное на очень средних людей. Но на местах, например в Пекине, воспитанники школы быстро порывали с нею и стремительно переучивались на европейский, практический лад» [см. 1а, с. 165—166, 219].

Интересно сравнить с этим мнение о Восточном институте его выученика Б. И. Панкратова, которое отчасти подтверждает, а отчасти дополняет эту оценку. Борис Иванович с благодарностью вспоминал институт за то, что тот предоставлял желающим возможность практически выучиться языку, а А. В. Рудакова и Г. Ц. Цыбикова — за то, что они давали хорошие основы практических знаний, но при этом подчеркивал, что научную методику работы с языком получил от П. П. Шмидта — профессора, который знакомил желающих именно с наукой. На взгляд Б. И. Панкратова, институт был хорош, во-первых, тем, что давал «свободу действий» — имелась в виду ежегодная плата студентам в размере ста рублей (добавим, что сам Борис Иванович учился на стипендию, «учрежденную при институте Николаевским-на-Амуре городским обществом», которую получил в результате конкурсных испытаний в октябре 1911 г. [см. 43, с. 11], да иногда зарабатывал уроками). А во-вторых, и это самое главное, институт требовал от студентов хотя бы раз за курс побывать в изучаемой стране и с этой целью давал им оплачиваемые командировки; в результате студенты иногда подолгу, как Б. И. Панкратов, жили в Китае и Монголии; он вспоминал даже о курьезном случае: один из студентов П. П. Шмидта работал и учился в Харбине, а экзаменоваться ездил к профессору во Владивосток.

Практическое знакомство Б. И. Панкратова с Востоком началось с Монголии. В первый год обучения Борис Иванович получил от Восточного института на поездку 100 рублей (единственный раз, когда он воспользовался институтской субсидией на командировки), сговорился со своим другом-монголом и на повозке отправился к нему в Баргу, а дальше ездил в разные районы Монголии уже за свой счет. Здесь и в Китае (В. С. Колоколов не раз при мне вспоминал, как впервые увидел Бориса Ивановича в студенческой тужурке на Великой стене) он провел большую часть учебного времени. Особо следует сказать об участии Бориса Ивановича в 1914 г. в качестве переводчика монгольского и китайского языков в экспедиции по выявлению чумных районов, возглавлявшейся помощником старшего врача КВЖД д-ром Э. П. Хмара-Борщевским. С нею он пересек всю Вос-

точную Монголию от г. Хайлара в Барге до г. Долон-нора в Китае и обратно, а с Хмара-Боршевским, хорошим и культурным человеком, любителем литературы и поэзии, завязал дружеские связи на долгие годы. И в дальнейшем на протяжении всех странствий Б. И. Панкратава монголы оставались для него самым близким из восточных народов. В Монголии он изучал их язык (а также тибетский и маньчжурский), их быт и культуру, кочевал с ними, сроднился с ними, живя их жизнью. Относились к нему как к своему; один старик звал его сыном. Борис Иванович немногословно описал потом нехитрую монгольскую жизнь: бабы при коровах, мужики при конях. Как-то раз он поспорил с монголом, тот пырнул его ножом в ногу, а в ответ сидевший верхом Борис Иванович ударил обидчика ташуром — тяжелым кнутом — и ускакал. Другой раз он переправлялся на коне через вздувшуюся от дождей реку, его понесло течением, насилу выбрался; тогда-то он и поседел, еще совсем молодым. Бывало, впрочем, что вода таила опасность только в воображении монгольских друзей Бориса Ивановича: однажды ему помешали выкупаться в пруду, опасаясь, что его утащит нечистая сила.

Студент Восточного института, привычный к такой жизни, был человек самостоятельный, иной поступок которого более отзывался нравами вольницы, нежели учебного заведения. Борис Иванович не без юмора рассказывал, как однажды купил пистолет, повесил у себя в комнате студенческого общежития мишень и, лежа на койке, упражнялся в стрельбе, пока не раздался стук в дверь и на пороге не появилась фигура дежурного в этот день видного сотрудника Восточного института Н. В. Кюнера (1877—1955). «Нехорошо, г-н Панкратов, нехорошо», — укоризненно, с характерным для него заиканием, произнес тот при виде студента, предающегося столь неакадемическому занятию.

Институт готовил студентов «к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточноазиатской России и привлекающих к ней государств» [см. 1а, с. 419, примеч. 3; 466, с. 255—257]. Какое-то число мест им подыскивал губернатор, какие-то места находили они себе сами. Судьбу студента Панкратава определили его академические успехи и задатки будущего ученого, проявившиеся, в частности, в работе, которую он вел в Барге (1915) и в бассейне р. Нонни (1914—1917), изучая местный диалект одного из самых малоизвестных монгольских языков — дагурского, а также ороchonский язык. В 1915 г. вышла первая научная статья Б. И. Панкратава «В Хулунбуире (Орочоны)»; она была опубликована без заключительной части, в том виде, в каком один из составителей сборника статей профессоров и студентов Восточного института взял ее со стола у Бориса Ивановича без его ведома [см. 34].

Лингвистическую полевую работу Б. И. Панкратов сочетал с буддологическими штудиями. Школе Васильева, начиная с ее основателя, было свойственно «увлечение буддизмом как большою, основною темой научного разыскания» [см. 1а, с. 165], и неудивительно, что Борис Иванович со студенческой скамьи серьезно заинтересовался этим учением. В годы учебы и позднее, перед революцией, он жил в Монголии, в монастыре (где ему была отведена комната) в качестве ученика ламы Джамцарана, наставлявшего его в буддизме.

Дагурские лингвистические материалы, собранные Б. И. Панкратовым, были использованы им для дипломной работы «Исследование языка дагуров, живущих в Барге», в которой он доказал принадлежность этого языка к монгольской, а не к маньчжурской группе, как считалось ранее. В 1916 г. он окончил свое отделение по первому разряду; постановлением высшего органа института — его Конференции — он был оставлен при Кафедре монгольской словесности для приготовления к профессорскому званию и представлен на утверждение в Министерстве народного просвещения (это утверждение пришло на следующий год). В 1917 г. Борис Иванович начал преподавать в институте монгольский и маньчжурский языки¹. В том же году институт направил его в Пекин для усовершенствования в китайском. Вернувшись в конце года во Владивосток, он исполнял при ин-

¹ По сведениям В. В. Петрова (устное сообщение), Б. И. Панкратов преподавал во Владивостоке в 1916—1918 гг.; по сведениям В. С. Старикова — в 1916—1919 гг. [см. 43, с. 11]. Последнее соответствует тому, что Б. И. Панкратов сам писал 27.XI.1935 г. [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 8].

ституте обязанности секретаря по студенческим делам [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 22]. Время его, как и прежде, было распределено между Владивостоком и изучаемыми странами. Но в 1918 г. (а по другим данным в 1919-м) [см. там же, л. 8, 22, 29, 48] в этом образе жизни, а вместе с тем и в нормальной академической карьере Б. И. Панкратова наступил поворот. Постановлением Конференции Восточного института он был направлен в долгосрочную командировку в Китай и Монголию для усовершенствования в языках специального изучения — китайском, монгольском и тибетском. На этом кончился владивостокский период его жизни (1911—1918 или 1919) и начался ее первый китайский период (1918 или 1919—1935) — пора научной зрелости.

О начальных годах жизни Б. И. Панкратова в Китае мало что известно. Он писал в 50-х гг., что «с 1918 по 1921 г. находился в Ханькоу, где преподавал русский язык [добавим: а также английский] и изучал диалекты Хубэйской и Хунаньской провинций. Тогда же познакомился с сиамским и бирманским языками, без которых невозможно серьезное изучение истории китайского и тибетского языков, а также с аннамским и малайским» [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 97, 22]. О жизни его в Ханькоу мне известно лишь, что здесь в 1919 г. он болел тифом и что жизнь эта завершилась драматическим эпизодом. По словам Бориса Ивановича, в 1921 г. он жил в Ханькоу на территории бывшей русской концессии и никому не мешал. У него сложились вполне нормальные отношения с главой русской колонии Бельченко, в прошлом русским консулом, имевшим связи с китайскими властями. Вокруг было много эмигрантов, и никто особенно не интересовался политическими взглядами того или другого из них. Но однажды Бельченко сказали, что Б. И. Панкратов с симпатией относится к советской власти, и он привлек Панкратова к суду за просоветские убеждения. Бориса Ивановича судили Бельченко и представитель китайских властей; кончилось тем, что они выселили подсудимого с территории русской концессии, после чего тот уехал в Пекин. Несмотря на этот эпизод, Борис Иванович совсем не плохо отзывался о Бельченко.

В Пекин Б. И. Панкратов был вызван на работу в агентство РОСТА и в Институт русского языка при китайском Министерстве иностранных дел. Сохранились документы, свидетельствующие, что уже 26 и 29.IX.1921 г. ему предлагалось провести в этом институте квалификационные испытания. В 1924 г. он был переведен из РОСТА в Посольство СССР в Китае как специалист по китайскому, монгольскому и тибетскому языкам (в другом документе говорится, что он в 1923—1929 гг. был переводчиком английского и китайского языков при Консульском отделе Посольства) [см. там же, л. 22, 97]. В то же время он продолжал преподавание в Институте русского языка при МИД до 1929 г. Китайское название института было *Вайцзяо бу звэнь фачжэнь чжуаньмэнь сюэсяо* (3); оно указывает на то, что это было «специальное учебное заведение права и управления». Неудивительно, что Борис Иванович имел отношение и к Факультету русского языка (*Эвэнь фачжэнь си*) Государственного пекинского университета права и управления (*Го ли Бэйцзин фачжэнь дасюэ* (4)), куда приглашался на собрания и где, видимо, какое-то время преподавал; имел он контакты и с Пекинской коллегией адвокатов, и с Государственным пекинским китайско-русским университетом [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 1]. Преподавая русский язык в институте, он познакомился с китайскими экс-дипломатами, когда-то служившими в китайском посольстве в Петербурге, и от одного из них услышал курьезную историю о «господине Ся» (не Ся Вэйсун ли, автор бумажки, описывающей структуру учебного заведения — Института русского языка, которая сохранилась в архиве Бориса Ивановича?); эту историю он любил рассказывать. Видимо, начальники и коллеги были невысокого мнения об умственных способностях «госпоина Ся». Однажды, сильно нагруженный алкоголем, тот выпал из окна четвертого или пятого этажа (кажется, дома на Мытне), но, по счастью, угодил в сугроб и чудом остался жив. Китайский экс-дипломат закончил эту историю русской фразой, от души повеселившей слушателя; желая сказать, что «г-н Ся» в рубашке родился, он воскликнул: «Оказывается, наш-то господин Ся дурак-дурак, а умный!»

Годы, проведенные Б. И. Панкратовым на советской службе в Пекине (вторая половина 1921-го—август 1935 г.), были порой, когда созрел его талант ученого. Он пересел сюда, когда ему не было 29 лет, а уехал отсюда уже после того, как ему исполнилось 43. Здесь после долгого пребывания вдали от центров научной жизни он попал в благоприятную для него как для ученого среду — в научный мир пекинских университетов. Вскоре после приезда он близко познакомился с представителями передовой китайской интеллигенции, вождями движения «4 мая», в частности с профессорами Ли Дачжао и Ху Ши. Дружба с Ли Дачжао, о котором Борис Иванович вспоминал с большой теплотой как об очень хорошем и честном человеке, продолжалась до самого ареста того китайскими властями (1926); Борис Иванович с риском для себя старался помочь ему, спрятать его и лишь по счастливой случайности избежал участи других советских людей, пытавшихся спасти Ли Дачжао. С Ху Ши Борис Иванович познакомился в 1921—1922 гг. в Пекинском университете. Он вспоминал, что это был очень хороший человек, преподаватель, чрезвычайно внимательный к студентам, великий знаток китайской премудрости, чем он и был особенно притягателен для Бориса Ивановича, глубоко уважавшего его знания. Жили они недалеко друг от друга (пекинский адрес Б. И. Панкрата 20-х гг.: Чоу ти хутун, д. 2), и это способствовало общению. Их дружба продолжалась много лет — до 1948 г.

Ху Ши ввел Б. И. Панкрата в китайские научные круги, и тот принял активное участие в научной жизни пекинских университетов и институтов, где преподавал, занимался исследованиями и выступал с докладами. В Пекине Борис Иванович начал работать над несколькими исследовательскими темами, которые с тех пор стали его излюбленными и прошли через всю его дальнейшую жизнь. Ярче всего полиглотическая природа его таланта раскрылась в работе на стыке двух языков и двух культур — над монгольскими текстами, в XIV в. транскрибированными средствами китайской иероглифики: «Секретная история Монголов» (*Юань-чао би-ши*) и учебник «Хуа-и-и-юй» — два пособия, которые использовали в Переводческом приказе (*Си и гуань*) при династии Мин для обучения китайцев монгольскому языку. За эту тему можно было взяться, только обладая его возможностями полиглота, ибо тут требовались знание китайского и монгольского языков XIV в., их исторической фонетики, не говоря уже о китайской и монгольской истории, истории Переводческого приказа и т. п. Теоретически можно предположить, что какое-то отношение к работе Б. И. Панкрата над «Секретной историей Монголов» мог иметь его друг и «первый учитель монгольского языка» Цэндэ-гун (Цэнд-гун), который еще в 1917 г. в Барге «переложил монгольским алфавитом весь текст» этого памятника [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 214, л. 8], но имел ли на деле — мы не знаем. В связи с этой работой Борис Иванович ощутил потребность углубить свои познания в истории монголов периода Юань; в 1923—1925 гг. под руководством проф. Кэ Шаовэня (автора «Новой истории Монгольской династии») он изучал историю монголов по китайским источникам [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 98]. Вероятно, с этими занятиями как-то связаны по меньшей мере два материала Архива востоковедов — подробные записи, сделанные Б. И. Панкратовым при чтении китайских источников по истории монголов XIII в.: разбор биографии сподвижника Чингис-хана Мухали и сочинения «Хэй-да ши-люэ» («Заметки о черных татарах») Пэн Дая (два варианта прочтения); эти записи включают фрагменты переводов из китайских источников [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 65, 161, 162].

К реконструкции монгольского текста «Секретной истории Монголов» по китайской транскрипции этого памятника Б. И. Панкратов приступил 10 июня 1921 г. К 1929 г. были готовы реконструкция текста, его перевод с примечаниями и словарь (ок. 40 а. л.). После поступления в том же году в Институт китайско-индийских исследований Б. И. Панкратов сдал директору института Антону фон Шталь-Хольштайну «предварительный [монгольский] текст и перевод» «Секретной истории Монголов» [см. там же, ед. хр. 213, л. 9—10]; полный словарь («индекс») монгольских слов этого памятника, записанных китайскими иероглифами, видел у Б. И. Панкрата в 1933 г. его коллега Ф. Веллер [см. 53, с. 658]. Это

были пятая в мире научная транскрипция монгольского текста «Секретной истории Монголов» (причем совершенно независимая от других, ибо транскрипции П. Кафарова, Нака Митиё, П. Пеллио и Цэндэ(или Цэнд)-гуна не были или еще не были опубликованы); второй в мире после японского перевода (1907) Нака Митиё и третий после неопубликованного монгольского перевода Цэндэ-гуна, но первый в Европе перевод этого текста; и второй в мире его полный словарь (после рукописного словаря П. Кафарова). От этой работы сегодня в Архиве востоковедов сохранились: вся русская транслитерация, приблизительно первая треть «монголизированной» научной транскрипции и большая часть словаря-индекса «Секретной истории Монголов» [см. 36, с. 103—107; ср. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 101—103, 107—110]. Как рассказывал мне Борис Иванович, перевод памятника пропал во время войны вместе с частью словаря.

С интересом Бориса Ивановича к этому памятнику связана еще одна страница его биографии — дружба с великим французским синологом профессором Полем Пеллио. Они познакомились на обеде в Пекине и постепенно стали друзьями. Существенной темой их бесед была «Секретная история Монголов». В 1941 г. Борис Иванович писал, что «знает из долгих бесед взгляды Пеллио на ЮЧМШ (“Секретную историю Монголов”. — Ю. К.) и на... требования, которые он предъявляет как к изданию самого текста, так и перевода любого памятника», и выражал глубокое восхищение П. Пеллио как ученым [см. там же, ед. хр. 213, л. 5—5 об.]. После того, как в 1949 г. были посмертно опубликованы реконструкция монгольского текста и перевод первых шести глав «Секретной истории Монголов», выполненные П. Пеллио, Б. И. Панкратов говорил о его работе как о лучшей из сделанных на 1958 г. по этому памятнику [см. там же, ед. хр. 114, л. 64, 76]. По словам Бориса Ивановича, в 30-х гг. он с П. Пеллио обсуждал планы совместной работы над «Секретной историей Монголов», причем в предполагаемом содружестве ему отводилась роль лингвиста; в этом качестве он должен был подготовить перевод и монгольский текст памятника. Но совместная работа так и не состоялась.

Писем П. Пеллио к Б. И. Панкратову не сохранилось, но об отношении французского ученого к русскому свидетельствовали профессора Л. Амби и П. Демьевиль. В письме от 7.III.1972 г. Л. Амби писал мне, что слышал, как его «учитель Пеллио» говорил о Б. И. Панкратове, расточая ему «множество похвал». Поздравляя Бориса Ивановича с восьмидесятилетием от имени Института Франции и Коллеж де Франс, в письме от 17.II.1972 г. П. Демьевиль писал ему: «Ваша работа, которая была высоко оценена оплакиваемым нами Полем Пеллио, оставит глубокий отпечаток в наших исследованиях».

Для реконструкции монгольского текста «Секретной истории Монголов» важно изучение других учебных пособий Переводческого приказа, особенно «Хуа-и и-юй», учебника XIV в., включающего словарь на 844 слова и 12 образцов официальной переписки монголов и китайцев в качестве текстов для чтения. Работу по транскрибированию монгольских слов из «Секретной истории Монголов» и учебника выполнили между 1382 и 1389 гг. два чиновника Ханьлина; общие принципы этой транскрипции были разработаны одним из них, Хо Юаньцзе, и сформулированы им в предисловии к «Хуа-и и-юй». Поэтому из работы Б. И. Панкратова над «Секретной историей Монголов» выросла еще одна исследовательская тема. В описании его научно-педагогической деятельности (1958) значителен вчерне подготовленная в период 1921—1935 гг. работа «Китайско-монгольские словари и документы (XIV—XVII вв.) в китайской транскрипции. Реконструкция монгольского текста, перевод и примечания. Около 10 печ. листов» [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 98]. От Бориса Ивановича мне известно, что он выполнил эту работу в 1925—1927 гг., т. е., видимо, когда кончал заниматься переводом «Секретной истории Монголов» и начинал работать над словарем этого памятника. Важное место в этой работе занимал «Хуа-и и-юй». В архиве Б. И. Панкратова хранятся 4 тетради, содержащие русскую транслитерацию и «монголизированную» транскрипцию всего текста «Хуа-и и-юй», включая и словарь, и документы [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 54]: это такие же школьные тетради в мяг-

ких обложках, выпущенные шанхайским издательством Шаньту, как те, в которых сохранилась выполненная Б. И. Панкратовым транслитерация и «монголизированная» транскрипция «Секретной истории Монголов», причем Борис Иванович еще пользовался буквой «ять» при написании русских слов и в транслитерации китайского текста. Ознакомившись в 1933 г. с некоторыми из рукописей Б. И. Панкратова, Ф. Веллер писал: «Он далеко продвинулся в обработке старых монгольских глоссариев, общим числом четырех, которые записаны китайскими иероглифами и сохранились в китайской письменности. Остается только пожелать, чтобы все эти важные для науки работы (включая словарь-индекс к «Секретной истории Монголов». — Ю. К.) могли быть напечатаны» [53, с. 658]. Сам Борис Иванович в 1935 г. сообщал, что подготовил к печати китайско-монгольские словари времен династии Мин [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 6]. В Архиве востоковедов хранится его свод четырех китайско-монгольских словарей: «Чжи-юань и-юй» конца династии Юань на 541 слово; «Хуа-и и-юй» XIV в. на 844 слова; «Бэй-лу и-юй» на 639 слов и другой, также «Бэй-лу и-юй», включающий те же слова, что и предыдущий, но кроме того еще 689 слов [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 47].

В 70-х гг. Б. И. Панкратов говорил мне, что «Китайско-монгольские словари и документы XIV—XVII вв.» — наиболее готовая из его работ, что он сделал ее первый, но с тех пор потерял приоритет — аналогичную работу опубликовал один немецкий ученый (видимо, он имел в виду Э. Хэниша). К сожалению, кроме тетрадей с транслитерацией и транскрипцией «Хуа-и и-юй» и сводной картотеки четырех словарей в Архив востоковедов почти ничего передано не было; туда не попали, за исключением фрагментов черновика, ни переводы «Хуа-и и-юй», ни переводы других словарей с примечаниями; не попало и введение в работу Бориса Ивановича о монгольском языке XIV в., сделанное на основе материалов Переводческого приказа, которое, по счастью, Борис Иванович суммарно изложил в своем дошедшем до нас докладе 1953 г. [см. там же, ед. хр. 28].

На примере этих сино-монголоведческих работ можно указать на две характерные черты научного дарования Бориса Ивановича. Первая черта — это вкус к комплексным исследованиям, развившийся у него в связи с теми возможностями, которые у него были как у полиглота. Вторая — это ярко выраженный интерес к дешифровке трудных или даже загадочных текстов. В разное время он занимался китайскими надписями на гадательных костях эпохи Инь и на бронзовых сосудах эпохи Чжоу, тангутской (1926—1928)¹, киданьским и чжурчжэньским письмом (см. ниже), можно сказать, пробовал себя во всем, что требовало широких комплексных познаний, высокой способности комбинировать различные сведения.

В первый пекинский период своей жизни он сочетал дешифровку китайско-монгольских памятников с изучением современных монгольского и дагурского языков. В 20-х гг. (1925?—1928) он ездил в Чахар (как он выражался, верст 200—250 за Калганом), в монгольские кочевья, где гостил у своего друга и учителя монгольского языка Хан Цзиньшоу, бывшего фу-ду-туна (помощника военного губернатора Калгана) времен династии Цин, большого знатока монгольской жизни. Там он общался еще с двумя бывшими цзун-гуанями (главными управляющими, т. е. начальниками хошунов), по рангу равными князьям, которые тоже знали эту жизнь, быт, язык. В результате этих поездок им были собраны большие материалы (ок. 20 а. л.) по восточно-монгольскому диалекту чахар [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 98]. В Архив востоковедов была передана лишь малая часть этих материалов — тетрадь (на 77 страниц) с полевыми записями чахарского диалекта, с текстами и словником к ним, да словарь чахарского разговорного языка в картотеке (751 карточка) [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 117, 118].

¹ О его знакомстве с тангутской и связанными с нею проблемами свидетельствуют некоторые его рецензии 50-х гг. (см. ниже, с. 33, примеч. 1, №№ 4, 9, 11), а также его открытие (как назвал наблюдение Б. И. Панкратова акад. Н. И. Конрад на заседании Ученого совета ИВ АН 15.IV.1957 г.) — Борис Иванович определил, что папки, в которых хранились тангутские тексты коллекции ЛО ИВ, склеены из исписанных иероглифами листов бумаги, поставившихся в тангутское государство одной из китайских экспортных фирм IX в. [см. 19а, с. 477—478].

У нас есть свидетельство и о поездках Б. И. Панкрата во Внутреннюю Монголию уже в первой половине 30-х гг. Выдающийся американский китаевед и монголист О. Латтимор вспоминал: «Я вскоре узнал также, как сильно им восхищались и как глубоко ему доверяли монголы Внутренней Монголии. 30-е годы были ужасным временем для этих монголов, когда китайские военачальники сгоняли их с их земли, чтобы поселить китайских колонистов, а японские военные авантюристы рыскали вокруг в поисках добычи. Некоторые монгольские князья и высокопоставленные ламы предавали свой народ, оберегая собственные интересы, но незначительное их число отважно защищало монгольские интересы, и кое-кто из более молодых людей начал смотреть на Монгольскую Народную Республику как на единственную надежду для монгольской свободы. Самые разные монголы приходили, чтобы спросить Бориса Ивановича о том, что происходит в мире, и он всегда был абсолютно честен в своих ответах; честен, а также смел, потому что были люди, готовые пустить слух, что он "против китайцев" или "против японцев". Но Борис Иванович был человек, для которого жить значило быть честным и бесстрашным... Я горжусь тем, что, когда я говорю монгольскому другу: "Да, я знал Панкрата", между нами тотчас же возникает связь» [21, с. 99—100].

В 20-х гг. (с 1921 по 1930 гг.) Борис Иванович бывал и в хорошо ему знакомых местах на реке Нонни, где собирал лингвистические материалы. В 1931—1934 гг. он обработал все собранные им там (а также записанные у приезжающих в Пекин дагуров) в 1914—1931 гг. материалы по дагурскому языку и написал исследование дагурского языка долины реки Нонни (тексты, перевод, грамматический очерк и словарь, около 30 а. л.). Эту работу он собирался опубликовать в Китае на английском языке. Она была доведена до стадии верстки. Ф. Веллер писал, что в момент его отъезда из Пекина (апрель 1933 г.) «в печати находилась работа [Панкрата] о дагурском языке» [см. 53, с. 658]. Мне говорили, что эту верстку еще видел у Б. И. Панкрата Д. Кара в 60-х или 70-х гг., но в Архив востоковедов были переданы только ее остатки — тексты транскрипции дагурских пословиц, да машинописные варианты очерка «Дагуры», да еще кое-какие дагурские материалы [см. АВ, ф. 145, оп. 1 ед. хр. 5—17, особенно 8, 11, 16, 17].

Еще одной большой научной темой первого пекинского периода стало собирание, изучение и обработка, в том числе транскрибирование, перевод и (эпизодическое) комментирование Б. И. Панкратовым пекинского фольклора. Сам он позднее писал, что собрал «материалы по пекинскому фольклору. Около 30 п. л.» [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 98]; он сообщил мне время собирания: 1926—1935 гг., но допускал, что, может быть, начал собирать и раньше 1926 г. В. В. Петров обнаружил письмо Бориса Ивановича В. М. Алексееву от 6.XII.1927 г., свидетельствующее, что Б. И. Панкратов «начал собирать пословицы, поговорки, загадки и т. д. на пекинском диалекте» и просил советов и указаний по этому поводу, а также «собрал 200—300 печатных песен» (цит. по протоколу выступления В. В. Петрова 12.III.1980 г. [см. Географическое общество. Архив, ф. 1-1980, оп. 1, № 40, л. 20]). У меня осталось от письма впечатление, что Б. И. Панкратов собирал пекинский фольклор уже не один год, но боюсь ругаться; разыскать же письмо пока не удалось — В. В. Петров не сказал, в каком из петербургских архивов оно хранится.

Кое-что известно о тех пекинцах, чьей помощью Б. И. Панкратов пользовался при собирании и обработке пекинского фольклора. Первым следует назвать Чжана, чья семья была родом из провинции Фуцзянь; по словам Бориса Ивановича (записанным мною, когда он передавал мне коллекцию фольклора), Чжан переписывал некоторые материалы коллекции; он же правил ее тексты — писал, что верно, что неверно; он хорошо знал праздники и обряды Пекина, и правка на соответствующих текстах коллекции принадлежит ему. Добавлю, что на обертке хранящегося у меня пакета с детским фольклором — рукописная помета: «переписывал Чжан», а в Архиве востоковедов есть картотека сехоуэй, в начале которой рукой Бориса Ивановича написано: «Из коллекции, собранной Чжаном» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 24].

Однажды Борис Иванович сказал, что Чжан, у которого он консультировался, был связан также с В. М. Алексеевым. Благодаря этому указанию и любезной помощи М. В. Баньковской (Алексеевой) удалось отождествить Чжана с Чжан Вэй-

ханем (5), он же Чжан Хаожу (6), фигурирующий в дневнике В. М. Алексеева за 1926 г. и запечатленный на фотографии, на обороте которой последний надписал: «Чжан Вэйхань, художник, каллиграф». По словам М. В. Баньковской, он был скорее ремесленник, вероятно — автор двух хранящихся у нее в семье картин лубочного типа, также расписывавший веера; в пору пребывания В. М. Алексеева в 1926 г. в Пекине Чжан Хаожу был его помощником по добыванию книг, народных картин и почтовой бумаги. С ним В. М. Алексеев еще раз обошел дворцовый музей древностей (Гу гун), попутно перенимая от Чжан Хаожу нужные термины.

В архиве В. М. Алексеева есть письмо Б. И. Панкратова от 14.XI.1928 г. [см. ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 605, л. 2—2 об.], откуда явствует, что Борис Иванович послал ему «приобретенные Чжан Хаожу образцы бумаги, две печати для “экслибрис” и образцы домашней корреспонденции», а Чжан Хаожу получил от него «5 долл. за бумагу и печати, т. к. он жаловался, что у него совсем нет денег», вдобавок к 15 долл., уплаченным художнику по распоряжению В. М. Алексеева. В том же письме Б. И. Панкратов сообщает, что вложил в предыдущие «копии образцов загадок, пословиц и т. п. материалов по китайскому фольклору», собранных им в Пекине, и выражает готовность послать еще, если эти копии не дошли. В том же архиве хранится несколько писем Чжан Вэйханя В. М. Алексееву (3 января — 11 февраля 1927 г. и без даты), касающихся посылки тому образцов каллиграфии и объясняющих содержание посланной ему картины [см. там же, ед. хр. 854]. В Архиве востоковедов хранится и письмо Чжан Хаожу Б. И. Панкратову от 17.IX.1925 г., свидетельствующее о достаточно тесном общении [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 97].

Из этого следует, что контакты с Чжан Хаожу начались у Бориса Ивановича задолго до знакомства того с В. М. Алексеевым (вероятно, и самое это знакомство состоялось через Б. И. Панкратова) и что один и тот же человек оказался им обоим — при сходе их интересов — по-разному полезен: Б. И. Панкратову — как собирателю пекинского фольклора, В. М. Алексееву — как собирателю книг, народных картин и любителю китайского искусства.

Роль второго пекинца в собирании Б. И. Панкратовым пекинского фольклора не вполне ясна, т. к. я пропустил что-то, записывая слова моего учителя по этому поводу. Текст моей записи мало вразумителен; он гласит: «Гуши. Тот же пекинский маньчжур дал часть Веллеру (тот опубликовал)... Он же дал часть сяохарюй Яблонскому». Думается, это означает, что сказки-предания (гуши) и детские речи (сяохарюй) собрания Б. И. Панкратова частично или целиком восходят к некому пекинскому маньчжур, который также был информатором двух друзей Бориса Ивановича: предоставил Ф. Веллеру часть своего собрания сказок, а В. Яблонскому — часть своего собрания детских речений. Установить его имя нетрудно. В предисловии к своей монографии о сяохарюй (1935) В. Яблонский писал, что его работа выполнена на основе собрания из 357 произведений, записанных в 1932 г. г-ном Туном (Тун Сянчэнем (7)), его учителем разговорного пекинского языка; тот по происхождению маньчжур, получил образование перед падением империи; изданные собрания аналогичных произведений были неизвестны Туну; по образованию, принципам, происхождению он принадлежал к прежнему режиму; живя к востоку от Запретного города, в районе, населенном простыми людьми, он был знаком с местным фольклором и не чурался занятий столь «вульгарным» предметом [см. 51, с. 8].

Видимо, и Тун Сянчэнь Б. И. Панкратов знал, и доступ к собранному им фольклорному материалу получил раньше своих друзей, по крайней мере — раньше В. Яблонского. Среди сяохарюй, собранных Борисом Ивановичем, есть пачка, на которой его рукой написано: «Последние. 26.IV.29». Значит, были и более ранние поступления. Однажды он упомянул, что помог В. Яблонскому в работе над сяохарюй, дав ему кого-то в помощь, кажется, «переписчика»; не имел ли он в виду Тун Сянчэня?

Пекинским фольклором Б. И. Панкратов интересовался прежде всего как лингвист, видя в нем источник для изучения пекинского диалекта, в частности «языка улицы», собирал и записывал все, к нему относящееся. Вместе с материа-

лами по фольклору он передал мне пухлую пачку языковых материалов — записи бесед на пекинском языке (причем в разных стилях — низком и высоком), фраз туюй и материалы к грамматике этого языка. Его картотека пекинских диалектизмов туюй, заметки по языку пекинских маньчжуров и по аргю хранятся в Архиве востоковедов [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 21—23].

В 1937—1947 гг. В. М. Алексеев писал о советских синологах в Китае, имеющих вкус к изучению фольклора, что они «собрали большие коллекции записанного опросного материала в виде загадок, поговорок (цекоу юр, цяопи хуар), примет, пословиц, ругательств, клятв, проклятий, скороговорок, песен нищих (шулай бао, си гэр), заговоров, детских имен, сказок и рассказов — все в тысячах карточек, для разбора которых и вывода из карточек в надлежаще оформленные книги нужен не один фольклорист, не один год упорного труда, не один том и альбом и, вероятно, не одно собрание с положительною резолюцией» [1а, с. 149]. В примечании к этим словам В. В. Петров указал: «Материалы по китайскому фольклору собирали В. М. Алексеев и Б. И. Панкратов» [там же, с. 406, примеч. 79]. С. Н. Муравьев, описавший часть коллекции пекинского фольклора, переданную мне Б. И. Панкратовым и хранящуюся у меня, предполагает, что процитированный отрывок из статьи В. М. Алексеева основан, видимо, на кратком отчете Б. И. Панкратова, составленном им по возвращении в СССР (1935) для В. М. Алексеева [см. 32, с. 4]. Во всяком случае, этот отрывок содержит самую общую характеристику коллекции пекинского фольклора, собранной Б. И. Панкратовым.

Часть этой коллекции Борис Иванович обработал, в первую очередь поговорки (или «недоговорки») сехоу-юй, свыше 1300 из которых он транскрибировал, перевел и частично откомментировал. Он также транскрибировал все сяохарюй своего собрания, в ряде случаев указал на особенности исполнения или ситуацию, а отдельные речения прокомментировал; он протранскрибировал тексты загадок, а также пословиц, свыше 100 из которых перевел, и т. д.

Оценка этой коллекции пекинского фольклора — дело специалистов, но не будет преувеличением сказать, что по меньшей мере в некоторых отношениях она уникальна. В 1933 г. знакомый с ней Ф. Веллер писал, что крайне желательно опубликовать «и собрание пекинских пословиц [Панкратова], и его единственное в своем роде собрание китайских ругательств, которые имеются у него в картотеках» [см. 53, с. 658—659]. В 1967 г. В. Эберхард писал мне: «Когда я был в Пекине в 1934/5 гг., я собирал се-хоу-юй и хотел их изучать, но потом я узнал, что их, равно как и большую коллекцию ругательств, собирает какой-то русский ученый... это, должно быть, был профессор Панкратов»; «Я в восторге от известия, что профессор Панкратов в Ленинграде и что он сумел сохранить свою ценную коллекцию в течение этих долгих лет и в пору войны. Далее, я весьма признателен ему за разрешение использовать его коллекцию в целях сравнения. Моя собственная коллекция содержит всего около 300 выражений; я знал, что у него очень обширная коллекция. Я надеюсь, что мне как-нибудь удастся приехать в Ленинград...» (письма от 10.II и 13.III.1967). И хотя В. Эберхард так и не приехал для ознакомления с «матовой картотекой», как называл свою коллекцию пекинских ругательств (свыше 1000, возможно, даже 1276—1277 образцов) Борис Иванович [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 25], эти письма свидетельствуют о ее значении. Не менее значима и большая подборка песен нищих (шулай бао) в собрании Б. И. Панкратова, насчитывающая 95 образцов. Специалист по китайской простонародной литературе Н. А. Спешнев говорил мне, что шулай бао 20—30-х гг. практически не сохранились более нигде.

Из планов В. М. Алексеева организовать обработку коллекции фольклористами мало что вышло. В 1940—1941 гг. над коллекцией пословиц, собранных Б. И. Панкратовым в Пекине, работала аспирантка В. М. Алексеева лингвист Е. Н. Медовая, но она умерла от голода в первую блокадную зиму (20.I.1942); коллекция чудом уцелела [см. 22, с. 46—47]. В 1963—1964 гг. велась подготовка к печати части коллекций сехоу-юй, транскрибированных и переведенных Б. И. Панкратовым, но она так и не была опубликована (см. ниже). За перевод и публикацию 20 шулай бао из коллекции Б. И. Панкратова взялся в 80-х гг. Н. А. Спеш-

нев, которому этот материал был предоставлен мной по его просьбе [см. 41а, с. 38—39, 193—196]. В 1983—1984 гг. за описание и публикацию всей коллекции принялся С. Н. Муравьев, но дальше одной (неопубликованной) статьи, описывающей часть коллекции, хранящейся у меня, дело не пошло.

Кроме монгольского и китайского Б. И. Панкратов работал в пекинский период и с другими языками. Так, в 1929—1930 гг. он занимался казахским, древнеуйгурским и языком орхонских надписей в плане сравнительного изучения алтайской семьи языков [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 99]. В марте—мае 1932 г. у него было не менее 16 встреч с носителем малоизвестного языка джарун тибето-бирманской группы; на этом языке говорит население района Цзиньчуань в пров. Сычуань. Во время этих встреч Борис Иванович записал материалы на языке джарун — словарь на 700 слов, фразы, пословицы, загадки, грамматические формы, а затем выполнил их исследование. Полевые записи, исследование и др. составили его «Материалы по языку Джарун... Около 4 п. л.» [см. там же, л. 98]. Но в Архив востоковедов они переданы не были, за исключением двух блокнотов и отдельных листов с полевыми записями [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 165]. Между тем в 60-х гг. Б. И. Панкратов показывал А. С. Мартынову и мне толстую папку с материалами по языку джарун, и в частности имеющийся в ней (наряду с другими материалами) «курьез»: копию (белыми иероглифами на темно-синем фоне) словаря «частиц» языка джарун, составленного китайскими учеными времен Цянь-луна (XVIII в.) и хранящегося в Национальной библиотеке в Пекине. Помню, что я раскрыл эту папку и увидел сверху несколько машинописных статей о языке джарун, в том числе одну (страниц на 15—16) по-английски и другую (страниц на 9) по-русски. Я спросил Бориса Ивановича, почему он не напечатает эти статьи, на что он ответил: «Но ведь тогда у меня не будет предисловия к моим материалам...»

Последние семь лет в Пекине Борис Иванович интенсивно работал как буддолог. В 1929—1935 гг. он совмещал работу в Посольстве с работой в Институте китайско-индийских исследований (Sino-Indian Research Institute) Гарвардского университета в Пекине, возглавлявшемся профессором центральноазиатской филологии этого университета А. фон Шталь-Хольштайном. Ф. Веллер, работавший ассистентом в институте с сентября 1930-го по март 1933 г., писал: «Кроме г-на барона фон Шталь-Хольштайна в институте — он помещается в здании бывшего австрийского посольства — работает монголист г-н Б. И. Панкратов. Ему доверены монгольские и маньчжурские аспекты исследования. Благодаря отличному знанию монголов и их языка, основательной осведомленности в маньчжурском и китайском он может часто с уверенностью решать отдельные вопросы критики текста и таким путем раскрывать целое... Во время моего пребывания г-н Панкратов также интенсивно участвовал в предварительных работах по неустанному собиранию ламаистских и буддийских надписей в Китае. Эта работа в конечном счете ведется всем институтом, поскольку был план подвергнуть собрание этих надписей также и научной обработке...» [53, с. 658—659]. Б. И. Панкратов был приглашен в институт ассистентом фон Шталь-Хольштайна, занимал должность старшего научного сотрудника и заместителя директора по научной части [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 8, 14, 41, 46, 49, 97, 104].

Из сообщений Бориса Ивановича разных лет складывается следующая картина его работы в этом институте, занимавшемся вопросами культурных связей Китая с Индией. Он работал здесь по специальностям буддизм (китайский, монгольский и тибетский языки) и алтайское языкознание (монгольский, маньчжурский и отчасти турецкий языки [см. там же, л. 8, 29, 98—99]), ознакомился с санскритом¹ в пределах, необходимых для изучения тибетских буддийских текстов, углубил познания в философии буддизма, много занимался историей буддизма и буддийской иконографией [см. там же, л. 97]. Темы, над которыми он работал, назывались «История связей Китая с Индией» и «Буддийская философия» (буддизм в

¹ Возможно, что он в эти годы лишь углубил познания в санскрите, с которым ознакомился еще во Владивостоке.

Китае, Тибете, Монголии и Индии). В институте он и читал лекции, и писал исследования. Для сотрудников института он прочел два курса лекций (или, как он предпочел однажды выразиться, сделал ряд докладов) на следующие темы: 1) Философская литература ламаизма (2 семестра) и 2) Буддийская иконография (2 семестра) [см. там же, л. 104]. Три подготовленные им работы были приняты институтом к печати: 1) «Index to Kao Seng Chuan (8)», 20 а. л.; 2) «Tibetan Version of Vajracchedikā. A comparative study of four Tibetan texts with notes», 6 а. л.; 3) «La ma shuo (9). An Edict of Ch'ien Lung in four languages. Translation with notes», 3 а. л. [см. там же, л. 8, 9]¹. Кроме того, он вчера подготовил работу «Философская литература буддийских факультетов Тибета» (ок. 15 а. л.) и выполнил для института перевод с тибетского 300 Sādhana, на основании которых Джанджа-хутухта Ролбий-Дорджи составил сборник 300 буддийских изображений [см. там же, л. 97—98]; вероятно, и эта работа, и этот перевод были связаны с его лекционными курсами².

Думаю, что к проявившемуся в те годы интересу Б. И. Панкратова к буддийской иконографии имеет отношение собрание им коллекции ламаистских тибетских икон, ок. 1980 г. приобретенной Государственным Эрмитажем. По словам М. Л. Пчелиной (Рудовой) и Г. А. Леонова, это иконы (общим числом ок. 300), выполненные в разной технике (на холсте, на шелку и ксилографическим способом на бумаге) в северо-западных художественных центрах Тибета и изображающие божеств пантеона тантрического буддизма. Бориса Ивановича интересовало, как делались иконы, которые были популярны в народе (в его коллекции икон есть одна незаконченная, позволяющая проследить технику ее изготовления, на другой стоит имя мастера); он собирал образцы «массового» искусства, связанного с широким распространением ламаизма в Тибете, и ценность его коллекции — не столько в том, что в ней есть шедевры, сколько в полноте, с какой в ней представлены иконы ремесленной работы, изображения второстепенных божеств (которые мало кто собирал), связанные с неизученными культами. Лишь несколько танка (иконы большого формата, выполненные на холсте или на шелку) выделяются на этом фоне высокой художественностью исполнения. Собрание подобного рода — первое в Эрмитаже, где ранее не было ни икон такого подбора, ни икон большого формата, выполненных в технике ксилографии.

Буддийская иконография была сферой, в которой Борис Иванович специализировался [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 9]. Уровень его знания иконографии божеств ламаистского пантеона позволял оказывать действенную помощь советом таким западным ученым, как У. Ю. Кларк [см. 50, с. XX].

Коллегам по институту и ученым, посещавшим институт, Борис Иванович запомнился сидящим за столом «со своими ламами» (см. письмо проф. З. Берзинга от 1977 г.) или работающим над монгольскими текстами (см. письмо Л. К. Гудрича от 2.II.1977) [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 12]. В их памяти он остался чутким и внимательным человеком, всегда готовым оказать и научную, и товарищескую помощь, и они десятилетия спустя вспоминали его добром. Друг Бориса Ивановича О. Латтимор писал мне 8.I.1980 г.: «Впервые я познакомился с Борисом Ивановичем в Пекине в начале 30-х годов. В то время он был уже ученым с очень солидными познаниями, тогда как я — всего лишь начинающим монголистом. Так я сразу узнал одну из выдающихся черт его характера — доброту к начинающим и к людям, знавшим гораздо меньше его. Он всегда считал, что знания высокого специалиста не должны быть монополией немногих привилегированных лиц, а что их следует распространять как можно шире». Друг Бориса Ивановича Ф. Веллер писал ему 26.II.1967 г.: «С глубокой благодарностью вспоминаю я о

¹ 27.XI.1935 г. Б. И. Панкратов писал: «В "Sino-Indian Research Institute" мною были подготовлены к печати: "Diamond Sutra" на кит., тибетск. и санскр. языках и Эдикт Цянь Луна относительно ламства по четырехязычному тексту» [ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 8].

² От нее сохранился (или, во всяком случае, к ней генетически восходит) фрагмент [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 176]. Есть известие, что Б. И. Панкратов прочел в институте годичный курс «Философская литература буддийских факультетов Тибета», но не исключено, что это просто другое название курса «Философская литература ламаизма».

тех днях, когда мы сидели друг против друга в пекинском институте. Ваше дружеское расположение, которым я пользовался, неизгладимо из моей памяти и навсегда в ней пребудет. Более того, и жена моя пользовалась Вашей добротой. За многое я глубоко благодарен Вам, в первую очередь за неизменное естественное чувство товарищества и за Вашу готовность всегда помочь мне. Кроме того, я также научился у Вас очень многому...» [см. там же, ед. хр. 11].

13.II.1967 г. президент общества Урало-Алтаика проф. А. фон Габэн, познакомившаяся с Борисом Ивановичем в институте Шталь-Хольштайна, писала: «Я очень охотно вспоминаю Вас, г-н Панкратов, как моего первого учителя монгольского, когда 36 лет назад в Пекине Вы объяснили мне, тюркологу, законы родственного языка. К сожалению, я оказалась недостойной своего бахши, поскольку я так и не опубликовала ничего монгольского, но смею заверить, что Ваше введение объяснило мне многие явления в тюркских языках» [см. там же, а также ед. хр. 12]. Наконец, калмык гешэ Вангял (видимо, один из «лам», окружавших Бориса Ивановича; позднее, в 50-х гг., основатель ламаистского монастыря в Вашингтоне, Нью-Джерси), глубоко опечаленный известием о смерти своего «дорогого друга д-ра Бориса Панкратова», писал 14.XI.1980 г.: «Мне выпало великое счастье работать под его руководством над переводами буддийских священных текстов сутр и шастр. Я глубоко благодарен ему за то, что он предоставил мне работу, в которой я тогда очень нуждался... Я также особенно благодарен ему за его усилия научить меня английскому языку... И я всегда буду помнить его честность и большую заботу обо мне. Он хотел отвезти меня ко мне на родину, но я отказался, потому что в это время я работал с английским чиновником сэром Чарлзом Беллом. Когда я вернулся из Монголии с сэром Чарлзом Беллом, д-р Панкратов уже уехал домой, но он оставил мне 200 долларов, которые я ему доверил на хранение на то время, пока находился в разъездах по работе. Он был так заботлив и внимателен ко мне, что оставил записку у друга, с которым я мог связаться, и помог мне получить мои деньги. Все это помогает мне помнить д-ра Панкратова, и поэтому я попросил Рут¹ узнать, жив ли он. К несчастью, я получил все эти сведения [о нем лишь] после того, как он умер всего год назад. Он был таким умным и замечательным человеком, и мне жаль, что он не прожил дольше. Наша дружба и совместная работа были для меня такой радостью...»

В сентябре 1935 г. Борис Иванович вернулся из Китая в СССР и 27 ноября был зачислен старшим научным сотрудником Монгольского кабинета в Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде, а в 1936 г. стал ученым секретарем кабинета. С этого начался первый ленинградский период его жизни, продолжавшийся до весны 1942 г. Это был период вхождения в советскую науку. В этой связи уместно высказать несколько общих соображений о научной биографии Б. И. Панкратова, без чего, как кажется, трудно правильно оценить некоторые его особенности и самое место его в советской науке.

И окружающие, и я сам привыкли думать и говорить о Борисе Ивановиче как о советском ученом. Между тем, мягко выражаясь, это упрощение. Он был русским ученым, чье становление началось перед революцией во Владивостоке и завершилось в Китае, в пекинской, отчасти китайской, отчасти международной, научной среде. Лишь зрелым человеком в возрасте 43 лет попал он в мир советской науки — чтобы 6 лет спустя вновь променять его на Пекин, а окончательно вернуться на родину 56 лет от роду. И в советской науке, к которой он себя с гордостью причислял, он так и остался «белой вороной», кое в чем напоминающая гранинского «Зубра».

Когда он попал в среду советских ученых в середине 30-х гг., у него не было ни их идеологического, ни их бюрократического опыта, ни опыта «большого террора»: он не проделал вместе с ними их исторического пути с 1917-го по 1935 г. И оказалось, что он в некоторых отношениях плохо приспособлен к жизни в этой среде.

¹ Д-р Рут Даннелл, в 1980 г. стажер-тангувед в Ленинграде, ныне работает в Кеньон Колледже, Гэмбиэ, Огайо, США. Благодаря ее любезной помощи это письмо попало мне в руки.

Начну с того, что он не привык к научной работе в условиях господства единой партийной идеологии, а отдельные ее аспекты приходили в противоречие с его научными установками. Например, как религиовед-буддолог он рассматривал религию в качестве явления народной жизни, старался понять ее как нечто самоценное, в ее исследовании опирался, в частности, на опыт богословия и возражал против того, чтобы подменять это исследование анализом классовых интересов. Он иронически говорил, что если «религия — опиум для народа» («одним словом, бога нет, царя не надо»), то ему здесь делать нечего. Он очень высоко ценил факты, доконцептуальное знание, с которого, как он считал, и начинается наука. У меня до сих пор хранится обрывок бумаги с фразой, написанной его рукой: «Классики. Сначала знание, а концепции потом, хотя бы и марксистские. Это наука». Едва ли эти воззрения вписывались в тогдашнюю идеологию.

Рост идеологического пресса был всего лишь одним из аспектов жизни Института востоковедения второй половины 30-х гг., где шел процесс наступления «выдвиженцев» младшего поколения на представителей старой академической науки, общественные проработки одних маститых ученых (например, В. М. Алексеева) чередовались с арестами других (самые известные имена — Н. А. Невский и Н. И. Конрад), приоткрылась дверь для лжи и халтуры и постепенно складывалась обстановка, неблагоприятная для деловой критики. В этих условиях стало возможным появление дутых фигур и дутых репутаций, обязанных своим существованием не научным заслугам, а либо официальному покровительству, либо поддержке авторитетных лиц. Так в ИВ АН 30-х гг. начал осуществляться кадровый парадокс советской жизни с его принципом «человек не на своем месте». Конечно, для того, чтобы такие фигуры и репутации появились, нужна была определенная степень обособления советской востоковедной науки от мировой. Б. И. Панкратов живо ощущал свою связь с мировой востоковедной наукой, имел высокий идеал научной добросовестности и твердо стоял на позициях деловой критики. Это довольно скоро привело его к ситуации конфликта.

С тех пор, как в 1918—1919 гг. прервалась его нормальная академическая карьера, и почти до конца 1935 г. занятия наукой были для него призванием, любимым делом, чем угодно, но не служебной обязанностью перед государством и не единственным источником дохода. Он привык к свободе в распоряжении своим рабочим временем, доверию со стороны научной администрации, праву самому решать, когда и чем заниматься, когда считать готовой ту или иную работу. Словом, он чувствовал себя суверенной ответственной личностью, которая служит науке по свободному выбору. В бюрократизировавшейся Академии наук статус ученого был (и остается) гораздо более жестким, выбор темы был в той или иной степени идеологически ограничен и согласовывался с администрацией, которая в целях контроля над учеными как государственными служащими использовала планирование — каждый ученый брался сделать работу в определенный срок, его проверяли, и в случае невыполнения плана ему грозили неприятности, а изменение планов и сроков превращалось в безрадостную процедуру. Ловчить при планировании (ставить себе в план только то, что в основном уже сделано, и т. п.) Борис Иванович не умел, сроки брал себе самые трудновыполнимые и в них никогда не укладывался.

Первая неприятная неожиданность при соприкосновении с принятой в ИВ АН системой планирования ждала Бориса Ивановича, когда он не смог поставить в план подготовку своей работы по «Секретной истории Монголов» к печати, т. к. осенью 1935 г. дирекция приняла предложение С. А. Козина издать его книгу о том же памятнике [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 419, л. 151—151 об.]. Борис Иванович вынужден был довольствоваться тем, что поставил себе в план тему «Китайские источники по монгольскому языку Минской эпохи», которая затем стала именоваться исследованием в двух частях: 1. «Китайские словари монгольского языка» и 2. «Монгольские документы Минской эпохи» [см. там же, л. 126; ед. хр. 471, л. 3, 47; ед. хр. 531, л. 2, 8, 13, 14, 17, 24, 48; ед. хр. 532, л. 2, 11, 15, 46, 57; ед. хр. 598, л. 84—86, 97; оп. 3, ед. хр. 452, л. 6, 10, 13—13 об., 14, 32]. Формально он работал над этой темой с марта 1936-го по конец 1937 г. и отчасти в 1938 г., но за два с лишним года уделил ей лишь меньшую часть вре-

мени из-за загруженности преподаванием. Несомненно, что он почти кончил работу над «Хуа-и и-юй»: в апреле 1938 г. оставалось выполнить лишь «переписку словаря и стилистическую обработку перевода»; но словарь так и остался в черновике до конца года, и была написана лишь часть исследования [см. там же, оп. 1а, ед. хр. 598, л. 112, 84—86].

В Архиве востоковедов хранятся материалы к этой работе: ряд фотоальбомов и несколько китайских литографических изданий. Но полный черновой перевод учебника «Хуа-и и-юй» туда передан не был; там есть только черновой русский перевод первых пяти документов из второй части этого учебника и (вероятно, их) «монголизированная» транскрипция 30-х гг. [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 58], да папка с надписью «1. Бэй-лу-као 2. Хуа-и и-юй, 2-я часть» (где теперь хранятся только заметки и переводы, сделанные Б. И. Панкратовым при чтении минского сочинения «Хуан Мин бэй лу као» Чжэн Сяо (10) [см. там же, ед. хр. 77]), да роспись текста «Хуа-и и-юй» на 1850 карточках [см. там же, ед. хр. 53], к сожалению неполная — первая коробка картотеки отсутствует, есть лишь карточки от «и» до «я» (ср. свидетельство Б. И. Панкратова от 1937 г., что «карточек сделано около 3000» [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 531, л. 24]). Эти карточки снабжены русской транскрипцией китайских иероглифов, «монголизированной» научной транскрипцией, а нередко и переводами, грамматическими и другими заметками Бориса Ивановича.

В эти годы в ИВ АН обсуждалась сначала рукопись (29.XI.1936), а затем публикация (1941) «Сокровенного сказания» С. А. Козина. Б. И. Панкратов был участником первого обсуждения [см. там же, ед. хр. 532, л. 35—41] и докладчиком-рецензентом на втором [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, 214]. Текст его рецензии на книгу С. А. Козина сохранился. Значение этой рецензии состоит не только в том, что она содержит первую по времени развернутую критическую оценку этой книги, подтвержденную впоследствии другими учеными: не менее важно, что в полемике с С. А. Козиным Б. И. Панкратов сформулировал здесь научные принципы исследовательской работы над «Секретной историей Монголов» и дал собственное толкование ряда отрывков памятника, а это в определенной мере позволяет судить о том, каков был его перевод 20-х гг.

Интерес к китайским источникам по истории монголов, появившийся у Б. И. Панкратова еще в 20-е гг., реализовался в его важном докладе «Записки о черных татарах», с которым он выступил на заседании Монгольского кабинета 13.I.1939 г. В докладе были описаны неизвестные тогда ленинградским монголистам путевые записки «Хэй-да ши-люэ» («Заметки о черных татарах»), составленные Пэн Дая в результате его поездки к монголам в 1232 г., предпринятой по распоряжению сунского правительства, и было подчеркнуто большое значение этого памятника как источника для периода правления Угэдэя. Доклад вызвал живой интерес. Б. И. Панкратова просили опубликовать его и сделать перевод «Заметок о черных татарах» с китайского. Сохранился только подробный протокол доклада [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 651, л. 38—39]. Из него видно, что Борис Иванович перевел по крайней мере ряд отрывков из «Хэй-да ши-люэ», которые зачитывал в докладе. В Архиве востоковедов есть только самое начало перевода памятника («1. Государство черных татар и откуда пошло имя Монгол; 2. Властители черных татар до Угэдэя; 3. Сыновья Угэдэя») и часть (?) раздела о юртах да подробные заметки Б. И. Панкратова, сделанные при чтении текста памятника, скорее всего, еще в Китае [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 161, 162].

В 1937 г. (?) заведующий Монгольским кабинетом Н. Н. Поппе назвал Б. И. Панкратова «руководящим работником в области монголоведения, основным участником всех работ... кабинета» [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 531, л. 52 об.—53]. Борис Иванович фигурирует в числе редакторов и консультантов переводов Рашид-ад-Дина и «Юань ши», в числе готовящих к изданию летопись Саган-Сэцэна [см. там же, ед. хр. 419, л. 126; ед. хр. 471, л. 71; ср. там же, ед. хр. 532, л. 29] и т. п. Кроме того, в 1936 г. он собрал и перевел для кабинета полтора

¹ Для книги Н. Н. Поппе о квадратной письменности (вышла в 1941 г.); ее автор писал: «Б. И. Панкратов любезно взял на себя труд проверки всех китайских слов и имен

авторских листа китайских известий о квадратной письменности [см. там же, ед. хр. 471, л. 3 об., 4 об., 47 об., 98 об.; оп. 3а, ед. хр. 30, л. 146] и написал примерно такого же объема рецензию на монголо-китайский трехтомный словарь, изданный военным министерством Японии (которая не была напечатана, т. к. ее потерял заведующий издательством) [см. там же, оп. 1а, ед. хр. 598, л. 84—84 об.; АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 254], а в 1937 г. по поручению Казанского института разобрал и перевел старинный маньчжурский документ [см. ПФА, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 532, л. 53].

Если в 1937 г. план Монгольского кабинета имел «своим стержнем разработку вопросов истории монголов» [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 531, л. 5], то в 1938 г. над исторической тематикой в плане кабинета, ослабленного арестом трех историков (Ц. Ж. Жамцарано, Гомбождаб Мэргэна и В. А. Казакевича), преобладает лингвистическая и главное место занимает коллективная тема — «Монгольско-русский словарь» (или: «Большой монголо-русский словарь»). С 15.II—1.III.1938 по 1.XII.1940 г. (включая период с 19.XI.1938 по 7.XII.1939 г., когда Борис Иванович не был штатным сотрудником Института востоковедения [см. там же, оп. 3, ед. хр. 452, л. 24, 26]) Борис Иванович являлся одним из «основных авторов», а затем и «соредактором» этого словаря, где на его долю приходится 30 а. л. текста (буквы И, Н, Г, б (бо, бу-бò, бû), СА), таблицы, а также полное и окончательное редактирование всего словаря (по одним данным, 200 а. л., по другим — 167 а. л., судя же по микрофильму словаря, 5033 стр., т. е. почти 210 а. л. [см. АВ, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 62, микрофильм № 85]) [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 532, л. 57; ед. хр. 598, л. 3, 9 об., 27, 30—31, 46, 48, 49, 52—53, 62, 69, 72, 83, 85 об.—86, 112, 113, 124, 133—133 об., 134, 135—135 об., 136, 136 об., 137, 138, 140, 145—145 об., 149, 150, 150 об.; ед. хр. 651, л. 1, 2, 5, 7 об., 9 об.—10, 11, 31, 43, 71; ед. хр. 708, л. 5, 9, 15, 26, 30, 31, 33, 36, 47, 51, 55 об., 56 об., 62 об.—63, 64, 71, 72, 75; ед. хр. 209, л. 38, 40, 54, 56, 58, 81 об.—82, 86, 110, 125, 131, 134, 143, 145, 145 об., 146, 148, 150, 153, 154, 155, 156, 167, 168, 169, 170, 172, 183, 184, 185; оп. 3, ед. хр. 452, л. 9, 25, 28, 31, 32, 41 об., 51, 69, 79, 87, 102, 103, 117, 126]. Эта работа требовала высокой квалификации. В. М. Алексеев писал о Б. И. Панкратове, что «работа его над Монгольско-русским словарем ИВ АН СССР должна быть оценена именно как работа не только сосредоточенного монголиста и редактора целого отдела Словаря, а именно полиглота с соответствующими ресурсами, каких его товарищи по составлению Словаря могли и не иметь» [там же, л. 40 об., 44—45]. Большой монгольско-русский словарь так и не был напечатан в СССР, хотя Б. И. Панкратов поднимал об этом вопрос весной 1956 г. [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 157], а возможно, также и раньше, в 1948 г. В апреле 1969 г. 8 папок со Словарем были переданы во временное пользование в ЛО ИЯ АН СССР. В октябре—ноябре 1970 г. их вернули в ЛО ИВ АН, микрофильмировали и по приказу дирекции ИВ АН передали машинопись в Москву, а оттуда — в Институт языка и литературы АН МНР в целях совместной работы над Словарем монголистов ИВ АН СССР и ИЯЛ АН МНР. С тех пор рукопись Словаря находится в Монголии.

Борис Иванович пытался освободить часть планового времени, чтобы подготовить к печати свои материалы по дагурскому языку. 21—31.V.1937 г. он внес в свой план на 1938 г. «Монографию о дагурском языке. Тексты, перевод, словарь, грамматический очерк. Объем 12 п. л... Срок I-XII-38 г.» [см. там же, оп. 1а, ед. хр. 532, л. 22; ед. хр. 598, л. 1 об., 20 об., 97]. 7.IV.1938 г. он отчитывался: «По дагурскому языку готовы тексты (5—7 листов) и сделано 1/2 словаря. В общем... сделано около половины работы. Эта работа была намечена по плану 1938 г., но затем эти темы были отменены...» [см. там же, л. 112]. В 1939 г. Борис Иванович указывал: «Тема — дагурский язык. Текст — 10 печ. листов. Перевод — 10 печ. листов. Небольшое введение. Полный объем работы 20—22 печ. листа» [см. там же,

собственных, встречающихся в памятниках, и сделал для нас перевод ряда отрывков китайских исторических трудов о квадратной письменности» [38, с. 8; см. там же, с. 13—22, 81]. Кроме того, Борис Иванович дал «Отзыв о работе Н. Н. Поппе "История монгольской письменности, т. I: Квадратное письмо"» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 231].

ед. хр. 651, л. 48 об.]. В план 1940 г. он поставил (или только пытался поставить?) работу «Дагурский язык (диалект р. Нонь)», указывая, что «работа вчерне готова» и что он намерен к 1.IV подготовить 6 а. л. текста, к 1.IX — 6 а. л. перевода, а к концу декабря — 8 а. л. словаря и исследования, всего 20 а. л. [см. там же, ед. хр. 708, л. 4, 9]; и на 1941 г. он хотел взять себе в план исследование дагурского языка («диалекта Нонь») см. там же, л. 66—66 об.], но, судя по отчету, в конце концов тема в план не вошла [см. там же, ед. хр. 751, л. 15—16].

В 1940—1941 гг. Борис Иванович выполнил также несколько работ как тибетолог и монголист. По поручению дирекции он написал и представил в институт историческую работу «Тибет в X—XV вв.» объемом в 1,5 а. л. для «Всемирной истории», т. 2 [см. там же, ед. хр. 708, л. 20; ед. хр. 751, л. 15—16], «Очерк тибетской литературы» (0,5 а. л.), а также «Географический очерк Восточной Монголии» (4 а. л.) [см. там же, оп. 3, ед. хр. 452, л. 102] и/или статью «Внутренняя Монголия» (2,5 а. л.) [см. там же, оп. 1а, ед. хр. 751, л. 16]¹. В 1939 г. он выполнил также переводы исторических документов на китайский и маньчжурский языки для учебника «Новая история Монголии», а в 1941 г. отредактировал «Русско-монгольский военный словарь», составленный сотрудниками Монгольского кабинета Т. А. Бурдуковой и Штарковой по поручению военных властей [см. там же, оп. 1а, ед. хр. 651, л. 48; ед. хр. 751, л. 16; ср. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 80—82 (?)].

Кроме того, по поручению той же дирекции с октября 1940-го по 1.VII.1941 г. он разобрал и рассортировал по 10 разделам тибетские и монгольские рукописи и ксилографы из бурятских дацанов, привезенные из БМ АССР в 1940 г. (общим числом 25 000 книг в 10 000 свертках) [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 751, л. 15—16].

Работая в ИВ АН, Борис Иванович очень широко делился своими знаниями. Как говорил 30.XII.1939 г. на заседании Монгольского кабинета К. М. Черемисов, «Борис Иванович прекрасно знает несколько восточных языков. Сотрудники всех кабинетов обращаются к нему за справками и консультациями, на что Борис Иванович весьма добросовестно и подробно дает разъяснения. Не было случая, чтобы Борис Иванович не помог кому-нибудь из товарищей в разрешении какого-нибудь вопроса, когда к нему обращались» [там же, оп. 1а, ед. хр. 651, л. 84—85]. К нему обращались за консультациями К. К. Флут, К. И. Разумовский, А. А. Петров, В. Н. Казин, Л. Н. Рудов, Ю. К. Щуцкий, С. Д. Дылыков, К. М. Черемисов, Я. Б. Радуль-Загуловский, Ю. В. Бунаков и другие [см. там же, оп. 3, ед. хр. 452, л. 105]. Председатель Ученого совета ИВ АН акад. В. В. Струве 26.XI.1948 г. говорил о Б. И. Панкратове, что «большинство диссертаций, которое прошло в нашей среде по специальности дальневосточной литературы и истории, — все они могли быть написаны [лишь] при деятельной помощи с его стороны» [см. там же, оп. 3, ед. хр. 452, л. 57].

В первый ленинградский период Борис Иванович много преподавал — учил монгольскому и китайскому в Ленинградском восточном институте (ЛВИ), китайскому, тибетскому, а также маньчжурскому (?) в Ленинградском государственном университете. С 1.X.1936 по 1.VII.1938 г. он преподавал в ЛВИ [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 4; ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 41, 49—50], где работал доцентом, а в качестве учебного пособия (в 1938 г.) был принят его «Китайский разговорник [тексты для аудиторных упражнений]» [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 3]. По словам Н. Н. Поппе, в 1937 г. он «оказался там чрезвычайно загруженным, вследствие чего почти совершенно не работал над своей темой по ИВ» [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 598, л. 84—85]. Шли переговоры между дирекциями ЛВИ и ИВ АН о переносе срока представления Борисом Ивановичем работы над китайско-монгольскими словарями и документами эпохи Мин с декабря 1937-го на апрель 1938 г., так как «в связи с отсутствием специалистов по китайскому разговорному языку на проф. Панкратова ложится вся тяжесть по выполне-

¹ Из этих работ в 50—60-е гг. еще сохранялся «Географический очерк Восточной Монголии»: Б. И. Панкратов передал его своему ученику Б. И. Кузнецову (устное сообщение А. С. Мартынова).

нию программы по китайскому разговорному языку» [см. там же, ед. хр. 531, л. 24, 48, 55; ед. хр. 532, л. 47; ед. хр. 598, л. 85—86]. В результате «Хуа-и и-юй» остался в черновике, а ЛВИ издал в 1938 г. «Пособие для изучения китайского разговорного языка. Текст» Б. И. Панкратова [см. 37]. В. М. Алексеев писал десятилетие спустя: «Его учебник китайского разговорного языка оценен по достоинству и у нас принят». На 1948 г. этот учебник был принят «во всех Китаеведных ВУЗах» [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 40 об., 44, 41].

О преподавании Бориса Ивановича в ЛГУ я знаю преимущественно со слов В. В. Петрова, ибо бывшие доступными ему личные дела Б. И. Панкратова в архиве ЛГУ сейчас практически закрыты. Заниматься с аспирантами и преподавать в качестве почасовика в Университете Панкратов начал осенью 1936 г., а учил студентов тибетскому и китайскому приблизительно с октября 1938/39 по 1941 г. [ср. там же, оп. 1а, ед. хр. 598, л. 15]. С 1.IX.1938 по 1942 г. он был старшим преподавателем Филологического факультета. Добавлю, что из бумаг Б. И. Панкратова, хранящихся в Архиве востоковедов, видно, что он участвовал в работе Кафедры дальневосточной филологии в 1938/39 академическом году; здесь есть программы по китайскому языку, по истории Монголии, перечни экзаменационных требований по маньчжурскому языку, истории маньчжуров и их литературы, куда рукой Бориса Ивановича вписаны иностранные названия пособий; аналогичные сделанные им добавления есть и в списке литературы по монгольскому и маньчжурскому языкам и литературам 1938, 1939 и 1940 гг. [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 3].

Добавлю также, что Ю. К. Щуцкий занимался у Бориса Ивановича тибетским языком, А. Н. Бернштам — китайским, А. П. Конаков и М. К. Максимов — маньчжурским; Б. И. Панкратов был руководителем маньчжуристов В. А. Аврорина, Е. А. Лебедевой, А. П. Конакова, монголистов Е. М. Залкинда, С. Д. Дылыкова и других, тибетологов Рабиновича и Прохоренко [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 104—105; 1, с. 13]. Борис Иванович работал и как постоянный консультант по маньчжурскому в Институте народов Севера и Институте языка и мышления АН СССР.

Блокада застала Бориса Ивановича в Ленинграде, и он разделил трудную судьбу его жителей. Он стал бойцом отряда самообороны АН СССР и по окончании войны был награжден медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны» [см. там же, л. 47 об.; 43, с. 12]. В 1942 г. Борис Иванович был вызван Министерством иностранных дел СССР в Москву и в июле откомандирован в Китай на работу в Посольство СССР. В характеристике МИД от 28.IX.1948 г. говорится: «Его высокая научно-теоретическая подготовка и отличное практическое знание и знакомство с Китаем и Монголией, а также свободное владение языками этих стран позволяли тов. Панкратову успешно справляться с порученной работой» [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 38].

О втором китайском периоде в жизни Бориса Ивановича (1942—1948) мало что известно. Это были годы, оставлявшие не много досуга для научной работы. Вслед за китайским правительством Посольство СССР переехало из Урумчи в Чунцин, а оттуда в Пекин. Академик С. Л. Тихвинский вспоминает, что в конце 1943-го—начале 1944 г. при Посольстве СССР в Чунцине с целью подготовки молодых дипломатов были созданы курсы изучения китайского языка; их посещало 15 человек; старшим преподавателем был Б. С. Исаенко, которому «помогал уже немолодой профессор Б. И. Панкратов, выпускник восточного факультета Владивостокского университета, в 20-х годах преподававший в Яньцзинском университете Пекина, владевший кроме китайского также монгольским, маньчжурским и тибетским языками» [см. 46а, с. 25—26]. В Пекине Борис Иванович смог наконец заняться пополнением своих коллекций. Сохранилось несколько писем Б. И. Панкратова В. М. Алексееву из Чунцина и Пекина периода с 3.III.1945 по 13.V.1947 г. [см. ПФА, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 605]. Из них видно, что Борис Иванович ощущал себя в Пекине представителем интересов ИВ АН, и особенно его Китаеведов, что он по собственной инициативе взялся снабжать В. М. Алексеева книгами и наладил в конце 1946-го—1947 г. книжный обмен между Яньцзинским

университетом и ИВ АН. Кроме того, по просьбе В. М. Алексеева он стал снабжать его материалами для «Китайско-русского словаря», работу над которым тот возглавлял [см. там же, л. 4—5, 6—6 об., 9 об., 13], в частности материалами прессы, но не только. 25.XII.1946 г. он писал: «Со следующей почтой постараюсь послать Вам “цяо-пи хуар” или “се-хоу-юй”. У меня имеется большой материал для военного словаря, но едва ли он подойдет Вам, т. к. слишком специален» [там же, л. 9 об.]. Борис Иванович послал В. М. Алексееву и «все образцы Новогодних картин, какие только нашел на рынке», сетуя на обеднение их ассортимента и прекращение в последние годы их производства в деревнях под Тяньцзинем [см. там же, л. 10].

Эти письма проливают дополнительный свет на слова В. М. Алексеева о «нужной всем нам коллекционерской, глубоко интересной и полезной деятельности» Б. И. Панкратова и о «его исключительно полезном редакторском и другом сотрудничестве в Китайско-русском Словаре АН СССР» [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 40 об., 45]. Здесь уместно сказать, что, по оценке М. Л. Рудовой, собрание традиционных китайских религиозных картин — новогодних икон няньхуа — и картин с символично-благопожелательными сюжетами (всего 81 лист), приобретенное Эрмитажем после смерти Б. И. Панкратова, имеет параллель в коллекции В. М. Алексеева, хранящейся в Музее истории религии и атеизма в Канзанском соборе в Петербурге¹. А когда Василий Михайлович говорил о «расписчиках текстов» для китайско-русского словаря, в их числе он упомянул «Б. И. Панкратова, выдающегося знатока китайского разговорного языка, пословиц, фольклора, пекинского быта и китайской культуры вообще...» как автора специальной картотеки (или картотек) [см. 18, с. 13]; вероятно, он имел в виду, в частности, присланные Панкратовым фольклорные материалы. Видимо, В. С. Стариков прав, считая, что Борис Иванович продолжал в те годы собирать библиотеку по Китаю, а также рукописные материалы по языку и фольклору [см. 43, с. 13]. Остается добавить, что Б. И. Панкратов продолжал общаться с китайскими учеными (в частности, Ху Ши) и приезжавшими в Китай западными учеными — В. Франке, В. Фуксом, Л. К. Гудричем, Артуром и Мэри Райт, Дэрком Боддэ и другими. Больше мы почти ничего не знаем, кроме того, что Борис Иванович преподавал историю в средней школе для детей — граждан СССР (где у него учился, в частности, Н. А. Спешнев) и (по словам последнего) имел обыкновение регулярно навещать одного из сотрудников посольства и играть у него в маджанг.

Весной 1948 г. Б. И. Панкратов вернулся в СССР. За время его отсутствия был сделан еще один шаг в направлении бюрократизации Академии наук: теперь человек без ученой степени не мог занимать должность старшего научного сотрудника и получать соответствующий оклад. У Бориса Ивановича степеней не было из-за того, что рано прервалась его нормальная академическая карьера: по выражению В. М. Алексеева, «он оказался везде полезным и необходимым знатоком, не имевшим времени для диссертационной сосредоточенности» [ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 40, 44]. Поэтому после неудачной попытки директора ИВ АН В. В. Струве в мае 1948 г. восстановить Б. И. Панкратова в штате института в качестве старшего научного сотрудника тот был зачислен в сентябре на должность младшего научного сотрудника и ученого секретаря Рукописного отдела [см. там же, л. 33, 37, 39]. Сложилась парадоксальная ситуация, которую парадоксально же описал академик Н. И. Конрад: «Б. И. Панкратов не имеет ученых степеней официальных. Для тех, которые его знают, он эти степени имеет, т. е. не степени имеет, а просто он крупный ученый» (из выступления на заседании Ученого совета ИВ АН СССР 15.IV.1957 г.).

Думается, что существование в советской науке таких фигур, чья титулатура не соответствует их научному значению и весу, — другая сторона наличия в этой науке дутых фигур: в обоих случаях есть разрыв, как сказал бы древний китаец, между названием и реальностью; это симптом бюрократического нездоровья нау-

¹ Добавим, что (по сообщению той же М. Л. Рудовой) Эрмитаж приобрел 25 ксилографов с изображениями китайских народных божеств и 28 китайских народных картин 20—30-х гг. из собрания Б. И. Панкратова.

ки, кастовости. Это явление, по крайней мере отчасти, было порождено принципом марксистского, а не чисто научного отбора соискателей. Непременным условием получения кандидатской степени являлась сдача экзамена по диалектическому и историческому материализму, а от диссертации (во всяком случае, в области гуманитарных наук) требовалось, чтобы она была «марксистской». По этому поводу вспоминается рассказ проф. В. М. Штейна о том, как в свое время хотели присвоить Борису Ивановичу кандидатскую степень, и в связи с этим Панкратов принес ему для ознакомления свою работу, кажется, по буддизму (по которому В. М. Штейн специалистом не был). «И конечно же, — закончил свой рассказ В. М. Штейн, — это оказалась не марксистская работа».

Оставался лишь один способ устранить вопиющий разрыв между научным значением и заслугами Бориса Ивановича и его «камер-юнкерской» должностью — добиваться присвоения ему ученой степени или ученого звания профессора *honoris causa*. Мне известно о трех таких попытках. Инициаторами первой были дирекция ИВ во главе с В. В. Струве, В. М. Алексеев и В. М. Штейн, единогласно поддержанные заседанием Ученого совета ИВ 26.XI.1948 г. (присутствовало шесть действительных членов и шесть членов-корреспондентов АН СССР, один чл.-корр. АН Узб. ССР и четыре доктора наук), который присудил «столь исключительно знатоку, как Б. И. Панкратов, в столь исключительном порядке ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации» [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 40 об., 45], но ВАК отказался утвердить это решение [см. там же, л. 9, 43—57, 59, 65]. Инициаторами второй были чл.-корр. АН СССР А. А. Губер и проф. Н. Т. Федоренко, пытавшиеся добиться того же, обращаясь 4.II.1956 г. и 22.II.1956 г. в ВАК и в Отдел науки ЦК КПСС, но ВАК и тут остался непреклонен, согласившись лишь «рассмотреть вопрос об освобождении Б. И. Панкратова от сдачи кандидатских экзаменов» [см. АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 7]. Наконец на заседании Ученого совета ИВ АН 15.IV.1957 г. Н. И. Конрад поддержал ходатайство о присвоении Б. И. Панкратову звания профессора [см. 19а, с. 477—478], но и эта попытка не увенчалась успехом. Когда в 1963 г. Борис Иванович был уволен на пенсию, то В. В. Струве, считавший, что Панкратов необходим институту и что без него «грозят замереть несколько отраслей востокovedной науки» (из письма акад. Б. Г. Гафурову от июня 1963 г.), так и не смог добиться для него места консультанта при Ленинградском отделении ИВ — эту должность мог занять только доктор наук. Бюрократическая структура упорно отторгала того, кто признавался крупным ученым только «по гамбургскому счету». А знающие этот счет не были хозяевами в Академии, даже если они были академиками. Все, что они могли сделать для Б. И. Панкратова, — это стараться хлопотать ему персональную ставку; это начал делать еще В. В. Струве в 1948 г. [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 33, 9], но максимум добился акад. И. А. Орбели вместе с В. В. Струве и другими; в результате Б. И. Панкратов по распоряжению Президиума АН от 4.XII.1958 г. стал получать персональную ставку старшего научного сотрудника [см. там же, л. 113—114; ф. 145, оп. 2, ед. хр. 9].

Последний и самый долгий период в научной жизни Бориса Ивановича — второй ленинградский (1948—1979) — отмечен сочетанием двух видов его деятельности как ученого. Это, с одной стороны, выполнение им собственных исследовательских работ (наиболее крупные из них были написаны до середины 60-х гг., когда смертельная болезнь жены, Раисы Григорьевны Карлиной, на 3—4 года лишила его возможности работать), а с другой — его активная помощь другим — в виде консультаций, рецензирования и редактирования чужих работ, а также подготовки кадров научных и музейных работников путем преподавания и научного руководства. Десятилетиями он выступал в роли эксперта и консультанта по Дальнему Востоку и Центральной Азии не только ленинградского, но и всесоюзного масштаба, в роли мэтра, который, если можно так выразиться, вел неустанную борьбу за сохранение и повышение научного уровня в ряде отраслей советского востоковедения.

В этот период Борис Иванович продолжал работать как исследователь-полиглот с особыми ресурсами. Он выполнил примечания к двум томам «Сборника

летописей» Рашид-ад-Дина (1952, 1960), касающиеся Китая, Монголии, Маньчжурии и Тибета, успешно восстанавливая монгольские, тюркские, китайские и иные имена и названия [см. 40]. В 1962 г. он выпустил в свет свое «великолепное» (по словам выдающегося монголиста проф. А. Мостарта) издание уникального рукописного текста «Секретной истории Монголов» в 15 изданиях, хранящегося в Петербургском государственном университете [см. 47]. Сино-монголисты высоко оценили обе эти работы. Проф. Х. Франке 14.II.1972 г. писал Борису Ивановичу: «Пожалуйста, позвольте мне как ученику Эриха Хэниша особенно выделить из Ваших работ издание “Секретной истории Монголов” (Юань-чао би-ши); этим трудом Вы снова сделали доступной для науки чрезвычайно важную версию этого текста... и тем заслужили благодарность сино-монголистов всего мира». Проф. Д. Фаркуар 23.I.1967 г. писал Борису Ивановичу: «Я давно уже восхищаюсь Вашей научной работой (с которой меня сперва ознакомил мой прежний учитель профессор Н. Н. Поппе), в особенности Вашей способностью сочетать в себе две области научных исследований: монголистику и синологию¹. Два образца Вашей работы, отражающие эту способность, которые сразу же приходят на ум, — это Ваши примечания к Рашид-ад-Дину и Ваше прекрасное издание текста “Юань-чао би-ши”, и то, и другое — непреходящие вклады в науку» [AB, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 11].

Факсимильное издание 1962 г. было задумано как первый том 4-томной публикации текста, комментированного перевода, транскрипции и словаря «Секретной истории Монголов», над которыми Б. И. Панкратов работал в 1957—1959 гг. За 1957 г. он выполнил «монголизированную» транскрипцию этого памятника (в Архив востоковедов было передано меньше половины ее [см. там же, оп. 1, ед. хр. 104, 105]). За 1958—1959 гг. он перевел 10 глав памятника из 12, но закончил свой перевод, как он говорил мне, уже будучи на пенсии, в первой половине 60-х гг. В те годы перевод был им перепечатан; но эта машинопись (за исключением машинописного экземпляра перевода гл. 5—7) в Архив востоковедов не попала; туда были переданы выполненные в разное время и находящиеся в разной степени готовности фрагменты перевода § 1—243 «Секретной истории Монголов» с двумя большими лакунами; наиболее готовыми кажутся переводы глав 1 и 5—7 [см. 36, с. 107—110].

«Секретной истории Монголов» были посвящены два доклада Бориса Ивановича. Первый — о подготовке нового издания этого памятника — был оглашен на заседании Тюрко-монгольского кабинета 20.I.1958 г. и касался в основном проблем реконструкции монгольского текста «Секретной истории Монголов» [см. 36, с. 108—109; AB, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 114]. В конце 60-х гг. Б. И. Панкратов снова вернулся к одному из трудных для понимания отрывков этого памятника — его § 216; 11.III.1969 г. он сообщил результаты своих исследований титулов *бэжи* и *бэги* в докладе «Об уточнении некоторых монгольских терминов» на заседании Сектора Восточной и Юго-Восточной Азии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР; доклад также имел другие названия (например, «Был ли у древних монголов институт первосвященника?») и в конце концов был оформлен в виде статьи «К вопросу о переводе 216-го параграфа “Сокровенного сказания”» [см. там же, ед. хр. 115, 116]. В 1953 г. Б. И. Панкратов обратился и к своей

Б. И. Панкратов.
Послевоенная фотография (до 1971 г.)

¹ Сравним отзыв Н. Н. Поппе о Б. И. Панкратове (1935?) как о редком типе монголиста, владеющего монгольским, китайским и тибетским языками [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 10, 13—14].

работе над китайско-монгольскими словарями и документами XIV—XVII вв. и прочитал в ИВ АН доклад об изучении восточных языков в Китае при Мин [см. там же, ед. хр. 28; ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 105].

Еще одним видом применения полиглотического дарования Бориса Ивановича была его работа над словарями — недолгое редактирование в начале 60-х гг. тибетско-русско-английского словаря Ю. Н. Рериха с санскритскими параллелями и его участие в «Древнетюркском словаре» Института языкознания АН СССР, опубликованном в 1969 г. [см. 41; 14, с. V].

Большую работу он проделал как исследователь монгольской истории, в меньшей степени — эпоса. В 1949 г. он написал и в 1954 г. опубликовал разделы по истории Монголии XII—XVII вв. (или XIV—XVII вв.?) и по культуре монголов XIII—XIV вв. в однотомной истории МНР [см. 16, с. 79—156 (118—156?), 112—118]. Он не только был одним из авторов этого однотомника, но и очень активно участвовал в его обсуждении и улучшении, писал на него замечания [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 147—156]. Социальной терминологии монголов XII—XIV, а отчасти и более поздних веков и соответствующей социальной истории был посвящен доклад Б. И. Панкратова, прочитанный на заседании Сектора Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании ЛО ИЭ АН СССР 23.VI.1965 г. и представлявший собой развернутую рецензию на доклад Г. Г. Стратановича и У. Э. Эрдниева, сделанный на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в августе 1964 г. в Москве [см. там же, ед. хр. 235; ср. 45].

С историей Монголии XIII в. связан доклад Б. И. Панкратова «Об этимологии титула "Чингис"», прочитанный в первой половине 70-х гг. в ЛО ИЭ АН СССР и на Кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ (текст доклада посмертно опубликован [см. 35, с. 180—189]). С еще более ранним периодом монгольской истории связан большой и важный доклад Б. И. Панкратова «Толкование имени "монгол"», который, в частности, представлял собой попытку восстановить названия и картину расселения монгольских племен до Чингис-хана; доклад был оглашен на Кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ в конце 60-х—начале 70-х гг. (раньше предыдущего); его прослушали также С. Ю. Неклюдов и Б. Л. Рифтин, посетившие тогда Б. И. Панкратова [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 158]. Наконец, внимание Бориса Ивановича привлекла одна из проблем истории древнейших насельников монгольских степей — сюнну: он неоднократно (в 1958-м, дважды в 1960-м¹ и еще раз в 1971 г.) выступал с докладами о толковании титула вождя сюнну — *шаньюй* [см. ПФА, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1290, л. 1—2; АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 67, 68].

В 50-х гг. Б. И. Панкратов занимался также эпосом о Гэсэре. Он написал статью «Сказание о Гэсэре в Тибете, Монголии и Бурят-Монголии» (0,75 а. л.), которую огласил на посвященной вопросам этого эпоса сессии, проходившей в 1951 г. в ИВ АН в Москве [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 85, 87, 105; АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 142], дал отзыв (1954 г.) на работу Ц. Дамдинсурэна «Исторические корни Гэсэриады» [см. там же, ед. хр. 208], а впоследствии стал фактическим редактором этой книги [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 103; ср. 12].

Наконец, упомяну выступление Б. И. Панкратова на общемонголоведческую тему. В связи с новыми веяниями в стране после XX съезда Борис Иванович счел, что настал момент для попытки возрождения советского монголоведения, утратившего ведущее место в мире и впавшего в ничтожество. 16.IV.1956 г. он кратко сформулировал «Насущные нужды монголоведения», а 18.IV. выступил на (расширенном?) заседании монголоведческой группы сектора с докладом «Задачи нашего монголоведения» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 157], затронув области изучения языка, истории, литературы и подготовки кадров. Он подчеркнул необходимость составления большого словаря уйгуро-монгольской письменности по памятникам XIV—XX вв., который включал бы и религиозно-философские термины, необходимость издания памятников старого языка, изучения современных диалектов; он настаивал на публикации неопубликованных (или неудовлетвори-

¹ В частности, на заключительном заседании Дальневосточной секции XXV Международного конгресса востоковедов в Москве (август 1960 г.).

тельно опубликованных) монгольских летописей, переводе и комментировании текстов, привлечении китайских и маньчжурских исторических материалов; он предлагал написать 2-томную историю монгольской литературы (включая феодальную и современную), посвящать монографии отдельным ее памятникам; он ратовал за улучшение преподавания, приглашение преподавателей-монголов в ЛГУ, посылку студентов и аспирантов в Монголию и т. п. Десятилетия потребовались, чтобы хоть часть этой программы была выполнена.

Второй ленинградский период в жизни Б. И. Панкратова был насыщен и Китаеведческой работой. Эта работа была в первую очередь связана с историей отечественной синологии, историей народов Центральной Азии по китайским источникам, популяризацией китайской культуры в нашей стране, а в какой-то мере и с пекинским фольклором.

В истории отечественного Китаеведения Бориса Ивановича особенно интересовали два имени — первого по-настоящему крупного Китаиста Иакинфа Бичурина и основателя той школы, к которой принадлежал Борис Иванович, В. П. Васильева. В начале 50-х гг. Б. И. Панкратову была поручена подготовка к печати двух первых томов рукописи перевода «Тун цзянь ган му» (11), выполненного И. Бичуриным; за 1951—1952 гг. он завершил эту работу, сравнив текст с китайским оригиналом, а также написал на этой основе статью в двух вариантах, под названием «Иакинф Бичурин как переводчик» (1952) и «Иакинф Бичурин как переводчик Тун-цзянь ган-му» (на машинописи дата: 1955 г.) для юбилейного сборника памяти И. Бичурина [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 69; ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 102, 85, 88]. Очевидно, и рукопись перевода, и статья готовились в связи со столетием со дня смерти И. Бичурина, отмечавшимся отечественным Китаеведением в 1953 г. Борис Иванович принял участие в ознаменовании этой даты, выступив с докладом «Иакинф Бичурин — первый русский Китаист» на объединенной сессии ИВ АН и Восточного факультета ЛГУ [см. там же, л. 105]. Самый ранний этап истории Китаеведения в России также не прошел мимо внимания Б. И. Панкратова: он — один из авторов¹ статьи о вкладе русских ученых в изучение Китая (1955), где ему принадлежит раздел о первых шагах русского Китаеведения до И. Бичурина [см. 8, с. 140—141]. Он также написал и в 1956 г. опубликовал работу «Академик В. П. Васильев как исследователь буддизма», вошедшую в виде раздела в статью о В. П. Васильеве, принадлежащую группе ученых [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 177; 9, с. 302—309].

Далеко не ясен вопрос о том, какую работу по изучению истории народов Центральной Азии по китайским источникам проделал Б. И. Панкратов в 50-х гг. В письме члену-корреспонденту АН СССР А. П. Толстову он писал о себе: «Последнее время я занимался главным образом историей народов Центральной Азии (в частности монголов, джурджэней и киданей) по китайским источникам» [АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 9]. О том, как он занимался историей монголов, уже говорилось. Что же касается работы по изучению других упомянутых им народов, то в Архиве востоковедов сохранились свидетельства его занятий дешифровкой чжурчжэньского [см. там же, оп. 1, ед. хр. 64], а также киданьского письма; в 60-х гг. Борис Иванович был постоянным консультантом группы по дешифровке киданьского письма, работавшей в ЛО ИЭ СССР [см. 43, с. 10]. Сохранилась его развернутая рецензия 1962 г. «Замечания на работу В. С. Таскина "Киданьская письменность и ее дешифровка"», написанная для журнала «Народы Азии и Африки» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 236]. Но работ по истории чжурчжэней и киданей, сделанных на основе китайских источников, в Архив востоковедов передано не было.

Часто бывавшая в 50-х гг. в доме у Б. И. Панкратова маньчжурист М. П. Волкова вспоминает, что на столе у него всегда стояло много папок с надписями «Великий шелковый путь», что Борис Иванович очень интересовался и увлеченно занимался этой темой, хотел издавать источники, связанные с историей Шелкового пути. Неизвестно, где сейчас находятся эти папки.

¹ Из-за внесенных в статью без его ведома изменений Б. И. Панкратов в письме в редакцию журнала «Советское Китаеведение» от 14.V.1955 г. потребовал снять свою фамилию из числа авторов статьи, и та вышла без его фамилии [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 70; ср. 8, с. 140].

К числу работ Б. И. Панкратова по изучению контактов китайцев с народами, живущими западнее их, следует отнести его (отчасти перепечатанный в марте 1953 г.) перевод сочинения «Си юй фань го чжи» (12) («Описание иностранных государств на Западе»), представляющего собой описание владений в Центральной Азии, сделанное китайскими послами ок. 1415 г., в начале династии Мин [см. там же, ед. хр. 78]. Это первый перевод данного сочинения на один из европейских языков; он частично опубликован [см. 33, с. 101—125].

Деятельность Б. И. Панкратова как китаиста и монголиста во второй ленинградский период его жизни полностью подтверждает мнение, высказанное о нем О. Латтимором: «Он всегда считал, что знание высокого специалиста... следует распространять как можно шире». В связи с ростом интереса русского читателя к культуре Дальнего Востока во второй половине 50-х гг. Борис Иванович принял большое участие в просмотре, редактировании и рецензировании переводов китайской и монгольской художественной литературы для восточной редакции Гослитиздата [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 106]. Ленинградские поэты А. А. Ахматова и А. И. Гитович были благодарны ему за эту деятельность. Им интересен был человек таких знаний о Востоке и такой необыкновенной судьбы [см. 46в, с. 184, 191, примеч. 2]¹. Друг Бориса Ивановича А. И. Гитович относился к нему как к носителю высшей мудрости, звал его «богом», писал ему стихи [см. 21, с. 88, 90—91]. Книга поэтических переводов А. И. Гитовича из Ли Бо вышла в свет (1957) со вступительной статьей Б. И. Панкратова [см. 31]. Однотомник избранных литературных произведений Ц. Дамдинсүрэн на русском языке был издан (1958) с послесловием Б. И. Панкратова [см. 11].

В середине 50-х гг. вокруг Бориса Ивановича объединился коллектив авторов, написавших при его участии и под его редакцией научно-популярную книгу о традиционной китайской культуре, вышедшую в свет в 1959 г. и имевшую успех [см. 4].

Оказавшись на пенсии, Борис Иванович уделил также некоторое внимание своей коллекции пекинского фольклора. Возникла идея подготовки к печати его коллекции пекинских сехоуей; за это взялись А. С. Мартынов и я. За осень 1963-го — зиму 1964 г. было подготовлено (вчерне) несколько менее 400 поговорок; Борис Иванович предоставил нам свои материалы и консультировал нашу работу, поясняя и дополняя свои записи устными сообщениями. Некоторые выходы из этой работы отражены в трех моих публикациях, подготовку которых также консультировал Борис Иванович [см. 23, с. 18—20; 52, с. 267—276; 24, с. 194—203]. Но главные ее результаты отражены в настоящем томе.

Ради полноты информации упомяну еще три его китаеведные работы: переводы речей Мао Цзэдуна (1,5 а. л.), выполненные в 1949 г. с первого китайского издания по распоряжению дирекции ИВ АН для «Собрания сочинений Мао Цзэдуна» (М., издательство ИЛ, 1949) [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 85, 87, 102] (установить, публиковались ли эти переводы, и если да, то где, не удалось), доклад «Теории о происхождении китайцев» и план-конспект лекции «О связях Китая со странами Запада и Востока в древности и в средние века» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 66 и 71].

Характеризуя себя как востоковеда (21 мая 1960 г.), Борис Иванович указывал, что «изучал буддизм и специализировался в буддийской иконографии» [см. там же, оп. 2, ед. хр. 9]. Но после 1929—1935 гг. он обращался к этой области знания лишь эпизодически. Во второй ленинградский период он опубликовал только свой этюд о В. П. Васильеве как о буддологе (1956) [см. 9, с. 302—309], который следует рассматривать в контексте истории школы, чей талантливый представитель пробует дать оценку и воздать должное ее основателю, привившему своей школе интерес к буддологии. Но четырьмя годами ранее он дал «Заключение на статью „Ламаизм“ для Большой Советской Энциклопедии» А. Т. Якимова

¹ А. А. Ахматова отзывалась о нем: «Мой редактор в Ленинграде... очень большой китаист». Наверное, права К. В. Кауфман, что «самый главный китаист», якобы объяснявший Ахматовой, будто «китайцы предаются какой-то одной идее на десять тысяч лет» [см. 32а, с. 208]. — Б. И. Панкратов, а не В. М. Алексеев, умерший в 1951 г. По словам М. В. Баньковской, Алексеев если и был знаком с Ахматовой, то шапочно и не позднее 20-х гг.

(1952), а годом позже — «Отзыв на работу А. Т. Якимова "Ламаизм и его роль в истории монгольского народа"» (1957) [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 245, 244]. В 1957—1958 гг. его активность как буддолога и тибетолога возрастает, что, скорее всего, было обусловлено пробудившимися у него после 1956 г. надеждами на возрождение обеих взаимосвязанных наук (ср. выше, с. 28). Он пишет рецензию на работу К. М. Черемисова «Краткая справка по вопросам тибетской филологии и буддологии» (1957) [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 241], доклады «О восстановлении буддийского храма» и «Об издании трудов А. И. Вострикова и академика В. П. Васильева», прилагает усилия для издания работы А. И. Вострикова «Тибетская историческая литература» (1957); он вместе с другими добивается возвращения на родину своего друга крупнейшего тибетолога и буддолога профессора Ю. Н. Рериха, вносит свой вклад в издание «Энциклопедии буддизма» и перепечатывается с Ю. Н. Рерихом по этому поводу (1958) [см. там же, ед. хр. 177—181, 201, оп. 3, ед. хр. 15], а после смерти Ю. Н. Рериха в 1960 г. выступает с докладом о нем как о тибетологе [см. там же, ед. хр. 172]. Летом 1963 г., уже находясь на пенсии, Борис Иванович задумал прочитать сотрудникам ЛО ИВ цикл лекций на тему «Введение в буддизм». Первая лекция под названием «Введение в изучение буддизма» состоялась 24.VI.1963 г. на заседании Дальневосточного кабинета и собрала около 70 слушателей [см. там же, ед. хр. 174]. В Архиве востоковедов хранится также план-проспект лекции Б. И. Панкратова «Начальный период проникновения буддизма к монголам» [см. там же, ед. хр. 175], но прочитана она не была — Борис Иванович охладел к этой идее.

Лишь раз за весь второй ленинградский период Б. И. Панкратов публично выступил как специалист по тибетской иконографии. Я имею в виду его доклад-рецензию на книгу Л. Н. Гумилева «Старобурятская живопись» (1975) [см. 10], прочитанный в конференц-зале ЛО ИЭ АН СССР в 1976 г. В докладе он не только указал на множество больших и малых ошибок, которые встречаются в этой книге, но и по-новому определил ряд икон коллекции института, опубликованных Л. Н. Гумилевым. Этот яркий доклад характерен для научного творчества Б. И. Панкратова, т. к. отражает один из его устойчивых научных интересов. Волею судеб это единственная его работа по буддийской иконографии, которая до нас дошла. Добавим, что этот доклад оказался последним в его жизни [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 206].

Разбор и классификация буддийских сочинений в 1940—1941 гг. (см. выше, с. 23) оказались первой ласточкой важной сферы деятельности Бориса Ивановича в ИВ АН во второй ленинградский период (1948—1963). Эта деятельность очень много дала институту, основным направлением которого была разработка фондов восточных рукописей и ксилографов. Она охватывала весь спектр работ, необходимых для освоения таких фондов, от организационных и самых черновых до описания рукописей и ксилографов, редактирования и консультирования описаний. В 1948 г. Борис Иванович участвовал в приведении в порядок, описании и каталогизации фонда Рукописного отдела и секторов. В том же году он в полном смысле слова создал здесь единственную в своем роде лабораторию по реставрации и консервации восточных рукописей, сам выбрал и приобрел для нее оборудование, подобрал и подготовил кадры; она лет 10 успешно работала под его руководством и, в сущности, до сих пор продолжает заведенные им традиции, хотя теперь там работает уже новое поколение специалистов. В 1951 г. Панкратов составил для института «Список китайских рукописей в фондах ИВ АН» (2 а. л.). 1.II.1952 г. его назначили Ученым хранителем дальневосточных фондов Института востоковедения [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 81; 43, с. 13]. В 1954—1955 гг. по поручению дирекции института он консультировал разборку маньчжурского архива в Москве и дал заключение по этому архиву [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 106, 111].

В дальнейшем Борис Иванович выполнил ответственную редактуру двух важных библиографических работ, отражающих состав двух больших фондов института — монгольского и маньчжурского. Речь идет об описаниях монгольских, бурят-монгольских и ойратских рукописей и ксилографов Л. С. Пучковского (1957) и маньчжурских рукописей М. П. Волковой (1965) [см. 39; 5]. О его редактор-

ской работе вообще следует сказать, что она по существу является работой соавторской: он старался сделать в описаниях, которые редактировал, то, что их авторам оказалось не по плечу [см. 21, с. 85]. М. П. Волкова до сих пор с восхищением вспоминает, как он мастерски определил названия 5 китайских романов в маньчжурском переводе, которые не могли определить другие китаисты — ни профессор В. С. Колоколов, ни литературовед О. Л. Фишман: Борис Иванович предложил ей прочесть начальные отрывки из этих романов по телефону и сказал, что это за произведения и как называются по-китайски. Борис Иванович также принял участие в публикации рукописных богатств института — совместно с Э. Н. Темкиным подготовил к печати хранящийся здесь текст трактата Камашила «Бхаванахрама» (1963) [см. 17].

Кроме того, Б. И. Панкратов в разное время широко консультировал сотрудников института, работавших над монгольским, маньчжурским, дуньхуанским, тибетским фондами и в Рукописном отделе. Группа по описанию китайских ксилографов пользовалась консультациями Бориса Ивановича и после его ухода на пенсию, вплоть до 1966 г. [см. 21, с. 95; 3, т. 1, с. 46].

С работой над китайской книгой были связаны две прочитанные им лекции, тексты которых хранятся в Архиве востоковедов. Это лекция по истории китайской книги, вероятно, произнесенная на семинаре для молодых сотрудников Рукописного отдела ЛО ИВ на тему «История восточной книги» приблизительно в 1957—1958 гг. [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 104; АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 94 и 28], а также лекция «История распространения бумаги из Китая в Европу» [см. там же, ед. хр. 95], содержавшая характеристики разных типов китайской и европейской бумаги, туши, чернил и процессов их изготовления.

Давний интерес Бориса Ивановича к этнографии, добрые личные отношения с этнографами и другие причины привели к тому, что по выходе на пенсию он оказался теснее всего связан с ЛО ИЭ, где выступал с рядом докладов и консультировал сотрудников. В середине 60-х гг. он отредактировал книгу работавшего там В. С. Старикова по этнографии северо-восточного Китая [см. 42]. В 1971—1972 гг. он прочел в ЛО ИЭ цикл лекций для экскурсоводов по религиям и обычаям Китая [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 85—90].

Но, конечно, не только с сотрудниками музея делился Панкратов своими знаниями. Преподавание и, шире, подготовка кадров китаистов, маньчжуристов и тибетологов составляли немаловажный аспект деятельности Бориса Ивановича во второй ленинградский период. В 1951—1958 гг. он преподавал на Восточном факультете ЛГУ китайский и маньчжурский языки и в апреле 1952 г. стал доцентом Кафедры китайской филологии ([см. 43, с. 13]; устное сообщение В. В. Петрова). В 50-е гг. Борис Иванович руководил аспирантами-китаистами: лингвистами Т. Н. Никитиной и Л. Г. Ефимовой, историками К. В. Васильевым, Е. И. Лубо-Лесниченко, А. С. Мартыновым и мною, а также тибетологом Б. И. Кузнецовым; в 1962 г. к нему в аспирантуру поступила И. П. Мангутова [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 125]. Со мною он занимался древнекитайским, руководил моей кандидатской диссертацией (защищена в 1963 г.) и с середины 50-х гг. был неизменным консультантом всех моих работ (в том числе монографии, которая вышла в 1970 г. с посвящением Б. И. Панкратову [см. 26], и значительной части моего перевода трактата «Янь те лунь», включая отрывки, которые сейчас уже опубликованы [см. 13, с. 158—198]). Он был редактором книги Б. И. Кузнецова, вышедшей в свет в 1961 г. [см. 29]. Из ученых более молодого поколения Б. И. Панкратов фактически руководил как тибетолог-буддолог работой исследователей тибетского искусства Е. Д. Огневой и тибетской буддийской философии Р. Н. Крапивиной [см. 20].

Его роль в воспитании отечественных ученых 50—70-х гг. особенно важна. Волею судеб он оказался живым связующим звеном между восточноведной наукой дореволюционной России, востоковедением Запада и этими учеными, которые постепенно отходили от догм и идеологических шаблонов советской науки 30-х—начала 50-х гг. При этом он не только делился своими огромными знаниями с учениками, но и влиял на них нравственно, воплощая в себе образец поведения ученого — образец научной принципиальности, профессиональной отзывчивости, доброты, неизменной готовности помочь.

Борис Иванович очень широко помогал своим коллегам. Приведенный ниже перечень имен лишь в какой-то мере отражает его душевную щедрость к другим. Из китаистов-филологов он в начале 50-х гг. помог О. Л. Фишман, исправив значительную часть ее перевода «Танских новелл», а позднее Л. К. Павловской в ее работе над переводом «Пинхуа по истории пяти династий» [см. 46; 15, с. 94]. Он долгие годы систематически помогал монголистам Т. А. Бурдуковой, Л. С. Пучковскому, историку Центральной Азии Д. И. Тихонову (консультациями и переводами с 50-х гг. по 70-е), иранисту и нумизмату О. И. Смирновой, арабисту-нумизмату А. А. Быкову [см. 26, с. 3], китаисту проф. В. С. Колоколову, маньчжуристу М. П. Волковой [см. 326, с. 11] и другим. Его консультациями пользовались археолог акад. А. П. Окладников, исследователи Средней Азии Вс. Ал. Петров и чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, индолог Н. В. Дьяконова, иранисты Ю. П. Верховский и В. А. Ромодин (последний в связи с изданием трудов академика В. В. Бартольда), тибетолог Г. Н. Румянцев [см. 2, с. 313—314, примеч. 300], японисты М. В. Воробьев, проф. В. Н. Горегляд, О. П. Петрова, корейцы А. Ф. Троцевич и проф. А. А. Холодович, китаисты М. Н. Кречетова, Е. И. Лубо-Лесниченко, Л. Н. Меньшиков, Г. О. Монзеллер, В. В. Петров, М. Л. Рудова, проф. Е. А. Серебряков, Г. Ф. Смыкалов [см. ПФА, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 105], Н. А. Спешнев, В. С. Стариков, И. Э. Циперович, М. Ф. Чигринский, Л. И. Чугуевский, тангутовед проф. Е. И. Кычанов и другие, а тангутовед К. Б. Кепинг работала над чжурчженской картошкой Бориса Ивановича и училась у него маньчжурскому языку.

К нему обращались сотрудники Института востоковедения, Института истории материальной культуры, Института этнографии, Института языкознания АН СССР, Музея истории религии, Государственной Публичной библиотеки, Восточного факультета ЛГУ и его библиотеки (А. А. Завистовичи и К. В. Кауфман), Эрмитажа, Русского музея и даже «Ленфильма», ученые из Москвы и других городов СССР, а порой и заезжие иностранные специалисты. Систематически пользовавшиеся его помощью чувствовали себя за ним как за каменной стеной; недаром В. В. Петров сказал: «Когда Борис Иванович умер, у меня было ощущение, что позади рухнула стена» [21, с. 85]. Даже мимолетное общение с ним было и интересным, и профессионально полезным. Известный ленинградский китаевед В. А. Вельгус вспоминал: «Бывало, забежишь к нему взять книгу, а уходишь домой духовно обогащенный». Легка его труда, его знаний была вложена во множество чужих работ.

Был еще один вид помощи коллегам, который без конца оказывал им Борис Иванович, — писание рецензий на их работы. В Архиве востоковедов хранится около 60 отзывов, рецензий, замечаний на чужие работы и заключения о них, написанных Б. И. Панкратовым¹. Отзывы и рецензии чаще всего писались для

¹ Наиболее значительными по объему и/или важности (из еще не упомянутых выше) являются: 1) «Замечания на работу Л. Л. Викторовой “Монголы. Происхождение народа и истоки культуры”» (1974) [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 198]; 2) «Рецензия на статью М. В. Воробьева “К вопросу определения древних китайских монет “5 шу” (У-Шу-Цянь)”» (1960) [см. там же, ед. хр. 199]; 3) отзывы о работах А. И. Воробьевой [см. там же, ед. хр. 200]; 4) «О подготовке к печати работ Н. А. Невского, проведенной З. И. Горбачевой» (1958) [см. там же, ед. хр. 204]; 5) рецензия на работу З. И. Горбачевой и Н. А. Петрова по описанию китайского ксилографического фонда Ленинградского отделения Института востоковедения (период 1958—1961 гг.) [см. там же, ед. хр. 205]; 6) «Отзыв на работу тов. В. Т. Зайчикова “Очерки по истории географии в Китае”» (1955) [см. там же, ед. хр. 209]; 7) о работе И. И. Иориша о жизни и деятельности А. М. Позднеева (конспект выступления) [см. там же, ед. хр. 211]; 8) «Отзыв. “Тибетские народные песни” А. Клещенко» и «По поводу замечаний анонимного рецензента на сборник переводов тибетских народных песен» (1958) [см. там же, ед. хр. 212]; 9) «Отзыв на работу В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова “Китайские классические книги в тангутском переводе”» (1962) [см. там же, ед. хр. 215]; 10) отзыв о докладе Б. И. Короля «Монгольская летопись Болор Толи и ее место среди других исторических сочинений» и на статью того же автора с таким же названием (1952) [см. там же, ед. хр. 217, 216]; 11) отзыв о статье Е. И. Кычанова «Некоторые вопросы, связанные с дешифровкой тангутской письменности» [см. там же, ед. хр. 219]; 12) отзыв о работе Е. И. Лебедевой «Сибирский диалект маньчжурского языка» (1960) [см. там же, ед. хр. 220]; 13) «Рецензия на работу Н. Ц. Мункуева “Заметки об основных китайских источниках

издательств и журналов, для «внутреннего» употребления и не публиковались. Но с иными своими рецензиями Борис Иванович выступал публично. Это бывало в тех случаях, когда какая-нибудь большая или малая, иногда еще не изданная, а иногда уже опубликованная работа, с его точки зрения, не отвечала требованиям науки. Он критиковал такие работы нещадно, не выходя на лица. Однажды он специально подчеркнул это, заявив, что на автора критикуемой работы его никто не натравливал, а к ее критике его побуждает «отвращение ко всякой халтуре... враждебное отношение к профанации науки» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 235, л. 3]. Такими выступлениями он делал исключительно важное дело — боролся за поддержание должного научного уровня в нескольких областях востоковедения. Именно поэтому он оставил после себя так много работ в жанре полемических рецензий. Думается, что не помогать другим и не изобличать халтуры он просто не мог, настолько присуще ему было острое чувство ответственности за уровень востоковедной науки, за ее судьбы в нашей стране. Поэтому Б. И. Панкратов долгие годы и десятилетия выполнял особую функцию в отечественном востоковедении. Ее можно назвать функцией мэтра.

Крупные ученые, готовые бескорыстно делиться своими духовными богатствами (часто в ущерб собственной работе), встречаются довольно редко. Востоковеды Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Улан-Удэ и других городов нашей страны, а также зарубежья платили ему уважением и благодарностью. Это особенно ярко проявлялось во время его юбилеев, когда отмечались его 70- (1962 г.), 75- (1967 г.), 80- (1972 г.) и 85-летие (1977 г.). На его чествования стекалось множество людей, поздравительные телеграммы, письма и адреса приходили не только из разных концов страны, но и от ученых и ученых обществ и учреждений четырех континентов. Крупнейшие исследователи Дальнего Востока и Центральной Азии со всего мира выражали Борису Ивановичу восхищение и признательность, отмечали его заслуги перед наукой [см. 25, с. 240—241; 27, с. 246—247; 6, с. 234—235; 28, с. 187—188; 44, с. 5—6; АВ, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 11, 12]. Особенно высоко были оценены эти заслуги Восточной комиссией Географического общества СССР. По ее постановлению из текстов докладов, прочитанных на ее заседании 5.IV.1967 г. и на заседании Китайского кабинета ЛО ИВ, посвященных 75-летию Б. И. Панкратова, был составлен юбилейный сборник в честь Бориса Ивановича, вышедший в свет в 1971 г. [см. 44, ос. с. 5—14; ср. 49, с. 404—405]. После смерти Б. И. Панкратова (29.VIII.1979) Восточная комиссия посвятила свое заседание 12 марта 1980 г. его памяти; расширенный текст доклада о нем, прочитанного на этом заседании, а также две его работы были опубликованы в издании все той же Восточной комиссии [см. 21, с. 84—100; 33, с. 101—125; 35, с. 180—189]. Наконец, она посвятила свое заседание 18.III.1992 г. столетию со дня рождения Б. И. Панкратова, которое было ознаменовано также докладом на Ученном совете Санкт-петербургского филиала ИВ РАН в конце марта 1992 г.

Научные заслуги Б. И. Панкратова и незаурядность его личности были отмечены и в некрологах. Мне известны три таких некролога: один был написан Р. В. Вяткиным, Л. П. Делюсиным и мной, другой — О. Латтимором, третий — Д. Боддэ [см. 7, с. 249—250; 30, с. 250; 48, с. 8—9].

по периоду монгольского владычества на территории Китая (1215—1368)» (1961) [см. там же, ед. хр. 223]; 14) отзыв на статью проф. Б. К. Пашкова «Вклад русской науки в изучение маньчжурской филологии» [см. там же, ед. хр. 226]; 15) отзывы на вступительную статью Л. Д. Позднеевой к III тому собрания сочинений Лу Синя и на ее переводы в этом томе (1955) [см. там же, ед. хр. 228, 229]; 16) «Отзыв на работу проф. Г. Д. Санжеева "Сравнительная грамматика монгольских языков"» (1952) [см. там же, ед. хр. 234]; 17) «Отзыв на статью Д. И. Тихонова "Русский китаевед первой половины XIX в. Иакинф Бичурин"» (1953) [см. там же, ед. хр. 237]; 18) «Отзыв на работу проф. А. А. Холодовича "Очерк грамматики корейского языка"» (1955) [см. там же, ед. хр. 239]; 19) отзыв о кандидатской диссертации Е. А. Цыбиной «Драматургия Го Мо-жо в период антияпонской войны 1937—1945 гг.» [см. там же, ед. хр. 240]; 20) «Заключение по поводу статьи "Джунгария"» (1952) [см. там же, ед. хр. 248]; 21) «О составлении трехтомной "Истории Монгольской Народной Республики"» (1957) [см. там же, ед. хр. 250]; 22) «Отчет комиссии по обследованию Большого Академического китайско-русского словаря» [см. там же, ед. хр. 253].

Борис Иванович Панкратов, ученый редкой одаренности и эрудиции, был звездой первой величины в востоковедной науке. Тем не менее напечатал он довольно мало. Его широко считали человеком не пишущим. Это заблуждение. Можно назвать его человеком, не стремившимся печататься, но написал он много. К сожалению, из-за того, что большинство его работ существовало только либо в машинописной, либо в рукописной форме, а сам Борис Иванович не распорядился их судьбой в завещании, большая часть наиболее готовых из них после его смерти оказалась в частных руках. Неизвестно, где находятся полная «монголизированная» транскрипция и перевод «Секретной истории Монголов», перевод «Хуа-и и-юй» и работа о монгольском языке XIV в., работа о дагурском языке, материалы по чахарскому диалекту, статьи о языке джарун и материалы по нему, а также многое другое. Такая судьба его научного наследия не была для него потерей — он совершенно не был честолюбив, хотя достаточно бережно хранил свой архив, ничего не выбрасывая; но это большая потеря для нас. Это, конечно, ставит в нелегкое положение тех, кто посмертно издает труды Б. И. Панкратова. Тем не менее оставшихся материалов достаточно для того, чтобы представить его как сино-монголиста и Китаиста, особенно фольклориста, в меньшей степени — как исследователя дагуров и буддолога.

Отчасти судьба его работ — следствие жизни в пору безвременья: об этом говорит, например, участь монгольско-русского словаря и многочисленных статей, представленных им в дирекцию ИВ АН и стигнувших неизвестно куда. Но в том, как он не кончал своих работ, как оставлял их в черновиках, словно потеряв к ним интерес после того, как понял, в чем тут дело, чувствуется и определенный стиль. Быть может, это стиль человека, взыскующего чистого личного знания, того, кому чуждо честолюбие ученого. Этот стиль напоминает образ действий зодчего из стихотворения Редьярда Киплинга, прекратившего строительство в тот момент, когда его архитектурный замысел уже начал обретать материальные формы, и превратившего недостроенный остов здания в весть, обращенную к потомкам. За этим поступком стоит определенная мысль. Киплинг выразил ее так:

Вслед за мною идет Строитель.
Скажите ему: я знал.

Однако сделал Борис Иванович гораздо больше не только того, что напечатал, но и того, что написал. Он десятилетиями стоял позади работы большой группы исследователей Дальнего Востока и Центральной Азии, он консультировал и редактировал их труды, помогал выбирать темы, готовил их кадры, в тяжкую пору безвременья поддерживал науку на достойном уровне, являл нравственный образец ученого, для которого его дело, его наука превыше личной славы и пользы, а бескорыстная помощь товарищу — это нравственный долг. Он был цзюнь-цзы, «благородным мужем». Надеюсь, что этот том его избранных трудов донесет до других не только богатство его знаний, но и весть о его незаурядной личности — личности одного из тех, кто делал нашу науку.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аяропин В. А. Вокализм и его гармония в маньчжурском письменном языке // *Tung-cologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 13—18.
- 1а. Алексеев В. М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982.
2. Банзаров Доржи. Собрание сочинений. М., 1955.
- 2б. Быков А. А. Монеты Китая. Л., 1969.
3. Вахтин Б. Б., Гуревич И. С., Кроль Ю. Л., Стулова Э. С., Торопов А. А. Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. М., 1973. Т. 1.
4. Вахтин Б., Карлина Р., Кроль Ю., Панкратов Б., Рудова М., Фишман О. Страна Хань: Очерки о культуре древнего Китая / Под общ. ред. Б. И. Панкратова. Л., 1959.
5. Волкова М. П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965.

6. [Вяткин Р. В.] Научная жизнь. Хроникальные заметки (Ленинград. Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР) // Народы Азии и Африки. 1972. № 5. С. 234—235.
7. Вяткин Р. В., Делюсин Л. П., Кроль Ю. Л. Памяти Бориса Ивановича Панкратова // Народы Азии и Африки. 1980. № 3. С. 249—250.
8. Горбачева З. И., Тихонов Д. И. Из истории изучения Китая в России // Советское востоковедение. 1955. № 2. С. 140—147.
9. Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф., Панкратов Б. И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900) // Очерки по истории востоковедения. Вып. 2. М., 1956. С. 233—340.
10. Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись. М., 1975.
11. Дамдинсүрэн Ц. Избранное. М., 1958.
12. Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.
13. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.
14. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
15. Заново составленное пинхуа по истории пяти династий (Синь бянь у-дай ши пинхуа) / Пер. с кит., исслед. и коммент. Л. К. Павловской. М., 1984.
16. История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
17. Камалашила. Бхаванахрама (Трактат о созерцании) Ч. 1. / Изд. подгот. Б. И. Панкратов и Э. Н. Темкин. М., 1963.
18. Китайско-русский словарь, составленный коллективом китаистов Института под редакцией В. М. Алексеева: Пробный макет словаря. М.; Л., 1948.
19. Козин С. А. Сокровенное сказание. Т. 1. М.; Л., 1941.
- 19а. Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996.
20. Крапивина Р. Н. Трактат Соднам-цзэмо «Чойла-чжугбиго» и его место в тибетской культурно-исторической традиции: Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1982.
21. Кроль Ю. Л. Борис Иванович Панкратов (зарисовка к портрету учителя) // Страны и народы Востока. Вып. 26. М., 1989. С. 84—100.
22. Кроль Ю. Л. Медовая Евфросиния Никитична (1907—1942) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1986. Ч. 2. С. 46—47.
23. Кроль Ю. Л. Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок сехоу-юй // Жанры и стили литератур Дальнего Востока: Тезисы и доклады научной конференции. Ленинград, 1966. М., 1966. С. 18—20.
24. Кроль Ю. Л. Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок сехоу-юй // Жанры и стили литератур Китая и Кореи: Сб. статей. М., 1969. С. 194—203.
25. [Кроль Ю. Л.] Семидесятилетие Б. И. Панкратова // Народы Азии и Африки. 1962. № 3. С. 240—241.
26. Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.
27. [Кроль Ю. Л.] Хроникальные заметки (Ленинград) // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 246—247.
28. Кроль Ю. Л. Хроникальные заметки (ЛО Института этнографии АН СССР) // Народы Азии и Африки. 1977. № 5. С. 187—188.
29. Кузнецов Б. И. Тибетская летопись Светлое зеркало царских родословных. Л., 1961.
30. Латтимор О. Памяти Бориса Ивановича Панкратова // Народы Азии и Африки. 1980. № 3. С. 250.
31. Ли Бо. Избранная лирика / Пер. с кит. А. Гитовича. М., 1957.
32. Муравьев С. Н. Фольклор старого Пекина в собрании Б. И. Панкратова [рук. 1984 г.].
- 32а. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989.
- 32б. Нишань самани биткэ (Предание о Нишанской шаманке) / Изд. текста, пер. и предисл. М. П. Волковой. М., 1961.
33. Описание иностранных государств на Западе / Пер. с кит. Б. И. Панкратова // Страны и народы Востока. Вып. 26. М., 1989. С. 101—125.
34. Панкратов Б. И. В Хулунбуире (Орочоны) // Vivat Academia. Владивосток, 1915.
35. Панкратов Б. И. Об этимологии титула «Чингис» // Страны и народы Востока. Вып. 26. М., 1989. С. 180—189.
36. Панкратов Б. И. Образцы переводов из «Юань-чао би-ши» / Подгот. к печ. и предисл. Ю. Л. Кроля // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 103—125.

37. Панкратов Б. И. Пособие для изучения китайского разговорного языка: Текст. [Л.]: ЛВИ, 1938. [Стеклограф. На правах рукописи.]
38. Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941.
39. Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1. М., Л. 1957.
40. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. / Пер. с перс. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. М.; Л., 1952. Т. 2 / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. М.; Л., 1960.
41. Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. Вып. 1. М., 1983.
- 41а. Шешнев Н. А. Китайская простонародная литература: Песенно-повествовательные жанры. М., 1986.
42. Стариков В. С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1957.
43. Стариков В. С. Научная и педагогическая деятельность Б. И. Панкратова: (К 75-летию со дня рождения) // Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971.
44. Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971.
45. Стратанович Г. Г., Эрдниева У. Э. Опыт анализа социальной терминологии. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М., 1964.
46. Танские новеллы / Пер. с кит., послесл. и примеч. О. Л. Фишман. М., 1955.
- 46а. Тихвинский С. Л. Китай в моей жизни. М., 1992.
- 46б. Хисматулинов А. А. Владивосток: Этюды к истории старого города. М., 1992.
- 46в. Чуковский К. Из дневника 1932—1969 // Знамя. 1992. № 11.
47. Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Т. 1. Текст / Изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. М., 1962.
48. Bodde D. Boris Ivanovich Pankratov (1892—1979) // Newsletter of the American Oriental Society. 1981. N 4. P. 8—9.
49. Bodde D. Strany i Narody Vostoka (Countries and Peoples of the East). Vol. 11. [a review] // Journal of the American Oriental Society. Vol. 93. 1973. P. 404—405.
50. Clark W. E. Two Lamaistic Pantheons. Cambridge, Mass., 1937. Vol. 1.
51. Jablonski W. Les «Siao-ha(i-eu)-lyu» de Péking: Un essai sur la poésie populaire en Chine. Kraków, 1935.
52. Kroll J. L. A Tentative Classification and Description of Structure of Peking Common Sayings (hsieh-hou-yü) // Journal of the American Oriental Society. Vol. 86. 1966. N 3. P. 267—276.
53. Weller F. Das Sino-Indian Institute der Harvard University in Peking // Asia Major. Vol. 9. 1933. S. 658—663.

* * *

Хотелось бы оговорить следующее. Предлагаемые вниманию читателя архивные материалы в основном представляют собой черновые записи разных лет, которые Б. И. Панкратов делал для себя, не предназначая для опубликования. Естественно, им присущ известный разноречивый транскрипции, в частности имен собственных. Ученые, готовившие том для печати, не пытались унифицировать транскрипцию; когда им порой приходилось редактировать текст, они старались делать это достаточно осторожно.

Разноречивой наблюдается и в передаче названия такого важного объекта исследования Б. И. Панкратова, как «Юань-чао би-ши» (в пекинском произношении «Юань-чао ми-ши»). Ученый пользовался переводами этого названия: «Секретная история монголов» и, реже, «Сокровенное сказание». В материалах, написанных Ю. Л. Кролем, автор в указанном названии слово «Монголы» пишет с прописной буквы («Секретная история Монголов»), поскольку оно в данном случае передает сочетание «Юань-чао» (династия Юань), т. е. является названием династии, а не просто этнонимом.

Цифрами в круглых жирных скобках отмечены иероглифы, список которых см. на с. 312—332.